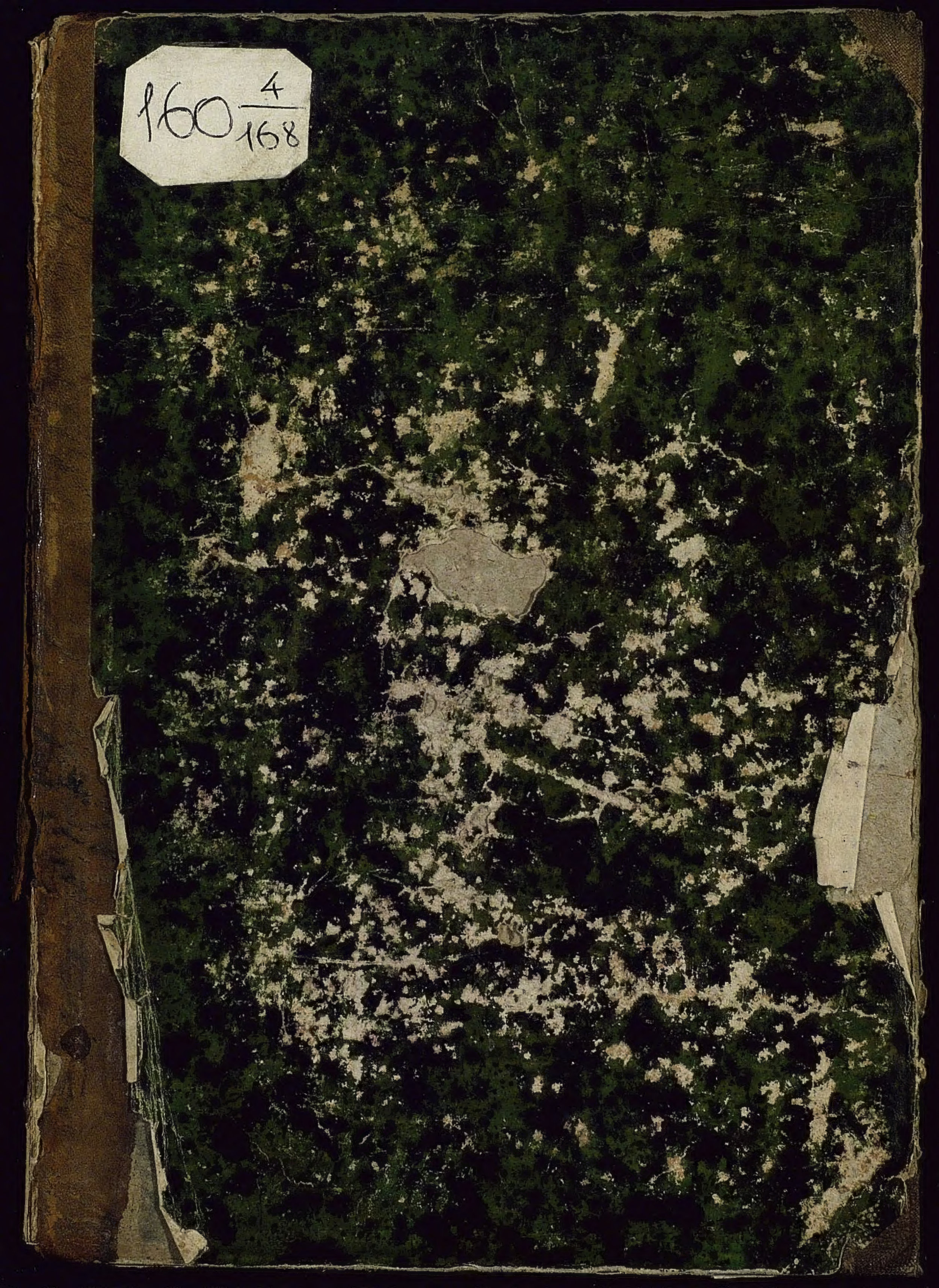

160 4/168

ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА II-я ВЕЛИКАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Съ приложеніемъ краткихъ жизнеописаній главнѣйшихъ сподвижниковъ Императрицы: Румянцева, Потемкина, Суворова, Дашковой, Безбородко, Бецкаго, Чичагова и Орлова-Чесменскаго.

Императрица
ЕКАТЕРИНА II-я, ВЕЛИКАЯ.

ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА II-я, ВЕЛИКАЯ
(историческій очеркъ).

ПОСВЯЩЕНО РУССКОМУ НАРОДУ.

ПО ПОВОДУ СООРУЖЕНІЯ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-Й (ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ).

Благословенное царствованіе Великой Государыни Матушки царицы Екатерины II-й, Алексѣевны, облагодѣтельствовало Русскій народъ щедрыми милостями и многими внутренними преобразованіями ко благу Россіи. Благодарное потомство, дабы сохранить на вѣчныя времена память о мудрой царицѣ, воздвигнуло нынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-й, достойный памятникъ. У подножія памятника, вокругъ, помѣщены фигуры главнѣйшихъ дѣятелей царствованія Екатерины, а именно: Румянцева, Потемкина, Суворова, Державина, Дашковой, Безбородко, Бецкаго, Чичагова и Орлова-Чесменскаго.

Дабы освѣжить въ памяти народной мудрыя дѣянія Императрицы Екатерины II-й, представляемъ при семъ краткій историческій очеркъ Ея царствованія.

ИМПЕРАТРИЦА

ЕКАТЕРИНА II-я ВЕЛИКАЯ.

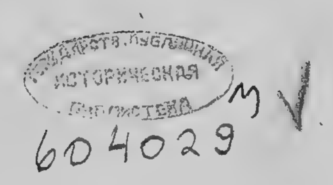
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

съ приложеніемъ краткихъ жизнеописаній главнѣйшихъ сподвижниковъ Императрицы: Румянцева, Потемкина, Суворова, Дашкова, Безбородко, Бецкаго, Чичагова и Орлова-Чесменскаго.

Съ четырьмя рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ».
1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 ноября 1873 года.

Типографія К. Замысловскаго, Казанская ул. (Бол. Мѣщ.) у Новаго пер., д. № 33.

ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА II-я ВЕЛИКАЯ.

I.

Вступленіе на Россійскій престолъ Императрицы Екатерины II и священное ея коронованіе. — Милости Государыни по случаю этого торжественнаго событія.—Просьба Бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго о защитѣ угнетенныхъ православныхъ въ Польшѣ и обѣтъ Екатерины.—Докладъ Императрицѣ о нуждахъ государства и заботы ея о дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ. — Епископъ Георгій Кониській и игуменъ Ѳеофанъ Леонтовичъ объясняютъ Екатеринѣ о нуждахъ угнетенныхъ православныхъ. — Императрица Екатерина искореняетъ взяточничество.—Благодушное прощеніе Екатериною виновныхъ. — Приглашеніе иностранцевъ.—Учрежденіе воспитательнаго дома въ Москвѣ и другихъ воспитательныхъ заведеній.

Много лѣтъ прошло съ того времени, какъ по державной волѣ императора Петра Великаго возникъ, посреди дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ, новый городъ С.-Петербургъ, столица Русскаго Царства. Тяжелые труды и работы предстояли первымъ поселенцамъ, первымъ обитателямъ этаго новосозидаемаго города. Вездѣ кипѣла спѣшная работа: вырубались вѣковые лѣса, укрѣплялись и возвышались низменные берега рѣки Невы, осушались топкія болота. Словно сказочный богатырь, что растетъ не по днямъ, а по часамъ, такъ распространялся и украшался Петербургъ. Прошло 60 лѣтъ со времени основанія этого города, и уже иностранцы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, съ удивленіемъ говорили о красотѣ и обширности новой столицы Русскаго Царства.

Епископъ Георгій, по случаю коронованія Императрицы Екатерины, прибылъ въ Москву изъ Бѣлоруссіи, старинной русской области, но которою въ то время завладѣли Поляки. Тяжело было Православнымъ жителямъ Бѣлоруссіи отъ насилій, жестокости и притѣсненій Поляковъ, и Георгій Конисскій рѣшился ходатайствовать предъ русскою Императрицею за свою несчастную, угнетенную паству. Въ день коронованія императрицы Екатерины, произнесъ онъ свою первую рѣчь, въ которой живо описалъ страданія Православныхъ, подвластныхъ Польшѣ.

Онъ сравнивалъ положеніе Православныхъ христіанъ въ Россіи съ положеніемъ такихъ же единовѣрныхъ Православныхъ въ Литвѣ и Западной Руси. «Здѣсь», такъ говорилъ епископъ Георгій Конисскій, «свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ и доселѣ; у насъ этотъ свѣтильникъ загасили гоненія отъ запада (т. е. отъ католиковъ). Здѣсь храмы Божіи славословіемъ Божія имени свободно гремятъ; у насъ же многіе храмы отняты, а прочіе — опустошены и запечатаны, и въ нихъ развѣ только слышатся голоса совъ и вороновъ. Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ болѣе и почета оказывается ему; у насъ же враги считаютъ благочестіе позоромъ для Православныхъ; за благочестіе многіе терпятъ раны, узы, темницы, раззоренье домовъ, а нерѣдко лишаются даже и жизни. Радуемся однако и мы твоему восшествію на престолъ», такъ продолжалъ краснорѣчивый проповѣдникъ; «смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся твердо надѣясь, что ты защитишь насъ своимъ покровомъ. Или бо не можеши сего сотворити, или не со-

благоволиши? Могла въ немощи (будучи еще великой княгинею),—можешь и въ силѣ (т. е. по своемъ восшествіи на престолъ); молимъ же Ваше Императорское Величество, не оставь насъ, надежда наша, въ нашемъ скорбномъ ожиданіи. Спаси насъ десницею твоею, и мышцею твоею покрой насъ»!

Со слезами на глазахъ слушала Императрица Екатерина искреннія слова бѣлорусскаго епископа. Въ нихъ выражалась скорбь и жалобы несчастнаго бѣлорусскаго народа, угнетеннаго Поляками. Могла ли Императрица не сочувствовать этой скорби, этой безнадежной жалобѣ?... И новокоронованная Императрица Екатерина, верховная Повелительница Православнаго народа русскаго, тогда же, въ храмѣ Божіемъ при коронаціи, дала въ душѣ своей обѣтъ облегчить участь Православныхъ жителей Бѣлоруссіи и Литвы, подвластныхъ Польшѣ.

Въ день священнаго коронованія своего на царство Русское, мудрая Государыня меньше заботилась о празднованіи этого торжественнаго дня, а болѣе старалась о томъ, чтобы сколько возможно удовлетворить просителей, прибѣгавшихъ къ ней по своимъ нуждамъ, и сама принимала прошенія. Кромѣ того, для большаго удобства, при коронаціи ея, присутствовали три секретаря для принятія прошеній, которые и получили каждый по 300 прошеній, такъ что всѣхъ прошеній, принятыхъ секретарями въ день коронаціи, было 900. День этотъ ознаменованъ былъ многими милостями Императрицы для тысячъ просителей всѣхъ сословій. Слѣдующіе за тѣмъ дни и праздники Екатерина также посвятила на принятіе прошеній. Въ одинъ праздникъ,

во время шествія Императрицы со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просителей явилось столько, что они совсѣмъ остановили шествіе, ставъ полукружіемъ на колѣна съ прошеніями, такъ что старшіе сенаторы, сопровождавшіе Императрицу, просили ее не утруждать себя принятіемъ прошеній. Но Екатерина останавливалась передъ просителями, милостиво распрашивала о нуждахъ ихъ и принимала прошенія. По приходѣ домой, Императрица прочитывала ихъ, собственноручно дѣлая на нихъ резолюціи.

Разсмотрѣвъ полученныя прошенія, Императрица Екатерина на пятый день по восшествіи своемъ на престолъ, прибыла лично въ Сенатъ, и выслушала донесеніе о тогдашней крайней нуждѣ въ деньгахъ и о томъ положеніи, въ какомъ находились нѣкоторыя части государственнаго управленія. Сухопутная армія находилась тогда въ Пруссіи и за восемь мѣсяцевъ не получала жалованья; въ статсъ-конторѣ именные Высочайшіе указы лежали невыполненные; по случаю бывшей тогда войны, хлѣбъ въ Петербургѣ продавался вдвое дороже противъ обыкновенныхъ цѣнъ; многія дѣла въ Сенатѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ оставались неоконченными; на содержаніе государства денегъ не отпускалось; почти всѣ отрасли торговли и промышленности находились въ частныхъ рукахъ, у богатыхъ купцовъ и разныхъ промышленниковъ; таможни всей имперіи отданы были на откупъ за два милліона, однимъ словомъ, во всемъ былъ недостатокъ, нужда настоятельная.

Императрица Екатерина, выслушавъ докладъ съ должнымъ вниманіемъ и понимая вполнѣ, что на ней ле-

жить священная обязанность водворить во всемъ порядокъ, временно нарушившійся, и успокоить государство,—объявила въ полномъ собраніи Сената, что «будучи сама для государства, она полагаетъ, что все ей принадлежащее тоже должно быть и для государства» и что «она не дѣлаетъ никакого различія между собственными ея выгодами и государственными.» Услышавъ изъ устъ Императрицы о такомъ безкорыстіи ея для блага народнаго, и убѣдившись въ ея благихъ намѣреніяхъ, сенаторы, засѣдавшіе въ собраніи, прослезились отъ радости; все собраніе Сената встало со своихъ мѣстъ и единодушно изъявило живую признательность Императрицѣ, за столь благой образъ ея мыслей. Послѣ того, тотчасъ же по повелѣнію Екатерины выдано было денегъ столько, сколько потребовалось, на удовлетвореніе различныхъ государственныхъ и народныхъ потребностей. Для установленія же болѣе доступныхъ цѣнъ на первыя жизненныя протребности и хлѣбъ, повелѣно было временно пріостановить вывозъ хлѣба за границу; этою мѣрою достигли изобилія всѣхъ предметовъ и замѣтной во всемъ дешевизны. Для большаго успѣха дѣла, Государыня лично слѣдила за исполненіемъ своихъ распоряженій. Личная заботливость Императрицы о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей простерлась до того, что ей каждодневно доносили о рыночныхъ цѣнахъ хлѣба и прочихъ жизненныхъ потребностей; при малѣйшемъ возвышеніи цѣнъ, Императрица тщательно развѣдывала, отъ чего происходитъ повышеніе цѣнъ, и какими способами удобнѣе установить дешевизну. Императрица была совершенно увѣрена, что чрезвычайное возвышеніе цѣнъ на первыя по-

требности жизни, вѣроятно «происходило отъ непомѣрной алчности купцовъ къ прибытку». Почему Императрица старалась прежде всего о томъ, чтобы прекратить подобныя злоупотребленія богатыхъ промышленниковъ, для чего не щадила иногда казенныхъ денегъ, чтобы подорвать торговлю алчныхъ купцовъ и чрезъ то понизить цѣны на хлѣбъ для облегченія народа.

Когда Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ доложили, что торговля нѣкоторыми товарами бываетъ нерѣдко въ рукахъ нѣсколькихъ перекупщиковъ, которые, сговорившись между собою, возвышали цѣны на товары, то для прекращенія такихъ злоупотребленій, Государыня, предоставила желающимъ наивозможно полную свободу торговли. Когда же до ея свѣдѣнія дошло, что одинъ богатый перекупщикъ скупилъ весь рогатый скотъ, который гнали въ Москву, и продавалъ его такъ дорого, что фунтъ мяса стоилъ, вмѣсто двухъ и трехъ копѣекъ, до 15 коп., то немедленно дала приказъ главнокомандующему въ Москвѣ объявить тому перекупщику, что «если онъ не уймется, то она пошлетъ его въ Сибирь скупать быковъ».

Въ то же время, когда въ Москвѣ продолжались еще народные праздники и повсюду шло ликованье народное, Императрица Екатерина среди трудовъ и заботъ, принятыхъ ею на себя съ первыхъ дней царствованія, не забыла и просьбы Бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго объ облегченіи участи Православныхъ, подвластныхъ Польшѣ. Православные епископы Западной Руси лучше всего могли уяснить Императрицѣ положеніе западнорусскаго народа, и Екатерина рѣшилась въ этомъ дѣлѣ

воспользоваться совѣтами епископа Георгія Конисскаго, и игумена виленскаго Свято-духова монастыря,— Ѳеофана Леонтовича, которые оба въ то время находились въ Москвѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ коронованія, Императрица Екатерина призвала въ свой кабинетъ игумена Ѳеофана и епископа Георгія; кромѣ ихъ въ кабинетѣ находились только немногіе довѣренныя лица, съ которыми Государыня совѣщалась въ затруднительныхъ случаяхъ, и въ томъ числѣ былъ князь Репнинъ, русскій посланникъ при польскомъ дворѣ.

— «Много терпимъ мы, страдаемъ молча, и надѣемся на помощь Божію», такъ говорилъ игуменъ Ѳеофанъ Леонтовичъ, «но наконецъ преисполнится же и мѣра терпѣнія нашего. За что страдаемъ мы, за что терпимъ нападки Поляковъ? За то что хотимъ до конца дней нашихъ пребыть въ вѣрѣ отцовъ. Намъ запрещаютъ хоронить съ почестью умершихъ, исполнять обряды нашей вѣры. И гдѣ же это?... Въ Западной Руси, въ странѣ, гдѣ искони процвѣтала Православная вѣра, гдѣ покоятся мощи многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, а народъ толпами стекается къ чудотворнымъ иконамъ, прославленнымъ дивными чудотвореніями. И не одни мы, Православные, подвластные Польшѣ, терпимъ отъ насилій латинянъ Поляковъ; всѣ иновѣрцы, проживающіе въ Польшѣ, ежеминутно должны опасаться насилій отъ латинянъ, ихъ ксендзовъ и монаховъ. Но у иновѣрцевъ есть еще защита: прусскій король не допуститъ, чтобы латиняне угнетали единовѣрныхъ ему лютеранъ. А у насъ одна надежда на единовѣрную, православную Русь. Если же наши русскіе братья не

поспѣшатъ къ намъ на помощь, если продолжатся невыносимыя гоненія на нашу свктую вѣру, тогда и мы, Православные, съ горестью въ сердцѣ, обратимся также къ прусскому королю, съ просьбою о защитѣ».

Епископъ Георгій подтвердилъ слова Ѳеофана, и Императрица Екатерина при нихъ же отдала приказаніе князю Репнину ходатайствовать за Православныхъ у польскаго короля и на польскихъ сеймахъ *). «Скажите Православнымъ вездѣ—въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ, и на Волыни, что у меня найдутъ они защиту и помощь. Богъ призвалъ меня на русскій престолъ, и возложилъ на меня священную обязанность заботиться и облегчать нужды Православныхъ, гдѣ бы они ни находились. Господь поможетъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ».

Эти милостивыя, разумныя слова русской Императрицы дѣйствительно вскорѣ сдѣлались извѣстны Православнымъ въ польскихъ областяхъ. Они служили имъ утѣшеніемъ, облегченіемъ въ ихъ горькой долѣ. А Православнымъ въ это время необходимо было утѣшеніе и помощь, потому что Поляки готовились уже возобновить свои преступныя усилія для обращенія Православныхъ, въ своихъ областяхъ, въ латинство. Назначены были особыя коммисіи проповѣдниковъ, которые разъѣзжали по всей Западной Руси, и своими проповѣдями, а иногда даже—обманомъ и насиліемъ, отвращали народъ отъ Православной, родительской вѣры. Вотъ напримѣръ, какъ это происходило въ Могилевѣ, въ то время подвластномъ Польшѣ.

---

*) Сеймъ—собраніе выборныхъ отъ свободныхъ лицъ всего польскаго государства.

Въ назначенный день крестьяне всѣхъ окрестныхъ деревень были приведены въ городъ, на базаръ, и тамъ латинскіе ксендзы роздали всѣмъ мущинамъ деревянные крестики, сдѣланные по латинскому образцу, а женщинамъ роздали какіе-то небольшіе вѣнчики. Чтобы заставить крестьянъ благоговѣйно обращаться съ этими крестами и вѣнчиками, проповѣдникъ—ксендзъ началъ безстыдно утверждать, что они будто бы предохраняютъ отъ всѣхъ болѣзней, отъ грома и отъ пожаровъ. На самомъ же дѣлѣ проповѣднику только нужно было, чтобы въ избахъ крестьянъ находились изображенія латинскихъ святынь; послѣ чего онъ надѣялся замѣнить ими, впослѣдствіи, святые православные кресты и иконы, которые крестьяне всегда благовѣйно чтили. Наконецъ ксендзъ, вставъ на приготовленное для него возвышеніе, началъ доказывать народу, что римская (латинская) вѣра лучше греческой, Православной, что латинская вѣра есть единственная благочестивая и христіанская. «Оттого-то, такъ говорилъ проповѣдникъ, «храмы ваши ветшаютъ и рушатся, священники и монахи ваши—нищи, а наши костелы блистаютъ золотомъ. Смотрите, такъ продолжалъ обманщикъ-ксендзъ, указывая на книгу Посланій Апостольскихъ, «апостолъ Павелъ ни къ кому другому не писалъ, какъ только къ Римлянамъ; къ намъ писалъ онъ, а не къ вамъ; стало быть мы благочестивые, а вы отступники».

Такъ говорилъ латинскій проповѣдникъ, безстыдно обманывая всѣхъ темныхъ, необразованныхъ слушателей. Онъ лгалъ, говоря, что апостолъ Павелъ писалъ только къ Римлянамъ; онъ писалъ также и къ Грекамъ (Коринѳянамъ),—русскаго же народа во времена

апостола Павла еще и не было, какъ не было еще тогда и Поляковъ, да и вообще не было еще раздѣленія христіанской церкви на восточную и западную. Проповѣдникъ не ошибался, а лгалъ умышленно, когда утверждалъ, что собралъ народъ для провозглашенія ему божественной истины!

Такъ проповѣдывали латинскіе ксендзы въ Могилевѣ и въ другихъ бѣлорусскихъ городахъ и селахъ. Но въ Украйнѣ, часть которой была въ то время еще подвластна Польшѣ, этихъ проповѣдниковъ кромѣ того сопровождали отряды польскихъ жолнеровъ (солдатъ). Кто не исполнялъ приказанія ксендзовъ, не оставлялъ Православія, тѣхъ забирали и отправляли въ Радомыслъ. Тамъ ихъ наказывали жестоко, давали по 600 и по 800 ударовъ, и въ тяжелыхъ оковахъ заставляли работать для укрѣпленія городовъ Кодни и Львова. Въ самое непродолжительное время до 200 священниковъ были изгнаны изъ своихъ приходовъ, дома ихъ раззорены, имущества разграблены, а семейства скитались въ страшной нищетѣ. Долго помнили это тяжелое время въ западной Руси и Украйнѣ.

При всемъ желаніи Императрицы возможно скорѣе помочь угнетеннымъ православнымъ въ Польшѣ, дѣло объ этомъ не могло быть разсмотрѣно ранѣе 1767 года.

Успокоивъ бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго, Императрица Екатерина Алексѣевна занялась дѣлами внутренняго управленія государствомъ. Императрица неусыпно заботилась о благосостояніи народа. Императрица знала, что во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ развито взяточничество, и потому, съ первыхъ же дней царствованія, настоятельно

дѣйствовала къ искорененію этого зла. Съ этою цѣлію, 18 іюля 1762 года, она издала слѣдующій указъ: «За долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный,—объявить въ народѣ, съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ сами увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, такъ что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе — судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мѣста — платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто—всѣ происки свои хитрые подкрѣпляютъ дарами. Многіе судящіе, освѣщенное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ вышняго должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству. Сердце наше содрогнулось, когда мы услышали, что Новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Ренберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги».

Дабы уничтожить поводъ къ взяточничеству, по повелѣнію Императрицы установлены были въ 1763 году новые возвышенные оклады содержанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ строго преслѣдовалось взяточничество.

Въ томъ же году, Императрица Екатерина, дабы установить въ правительственныхъ мѣстахъ болѣе правильныя отношенія между служащими и искоренить

происходящія между ними постоянныя несогласія и вражды, обратилась къ сенаторамъ съ слѣдующимъ указомъ: «Я не могу сказать, чтобы вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ моей и о пользѣ общей; но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно. Причины состоятъ въ томъ, что и присутствующіе въ сенатѣ имѣютъ междоусобныя несогласія, вражду и ненависть, одинъ другаго дѣлъ не терпитъ, и потому раздѣляются на партіи и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя».

Этотъ указъ Императрицы имѣлъ благодѣтельныя послѣдствія, и между служащими въ Сенатѣ установились болѣе дружескія отношенія.

Великая Государыня Россіи, Екатерина II, по вступленіи на престолъ, вникая въ устройство и состояніе Россіи съ сожалѣніемъ видѣла, что народонаселеніе Россіи, слишкомъ малочисленно, тогда какъ пространство ея обширно и богатства весьма обильны, а хлѣбопашество отъ недостатка рабочихъ рукъ находится въ упадкѣ и земли запущены. Народонаселеніе Россіи было дѣйствительно малочисленно, такъ какъ въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, многіе подданные Россіи, укрываясь отъ преслѣдованія, бѣжали въ иностранныя государства, въ особенности же много бѣжало раскольниковъ. Императрица Екатерина II, по благодушію своему, рѣшилась простить виновныхъ и для того, 4 декабря 1762 года, издала манифестъ, которымъ чрез русскихъ министровъ и резидентовъ, проживавшихъ при иностранныхъ дворахъ, было объявле-

но всѣмъ находившимся за границей Русскимъ, что не только не возбраняется имъ возвратиться въ Россію, но и всѣ вины ихъ прощаются; раскольники могутъ селиться въ особыхъ слободахъ, на пустопорожнихъ и выгодныхъ мѣстахъ; крестьяне могутъ снова записаться въ помѣщичьи или государственные, или же приписаться къ купечеству и всѣ освобождаются отъ платежа податей и повинностей на 6 лѣтъ. Земли для поселенія назначены имъ были въ мѣстахъ обильныхъ лѣсомъ, рыбными ловлями и удобныхъ для хлѣбопашества; всей такой земли отведено было до одного милліона десятинъ.

Со дня объявленія таковаго милостиваго прощенія, виновные, скрывавшіеся за границею, стали тысячами возвращаться въ Россію, мирно поселяясь на отводимыхъ плодородныхъ земляхъ. Число возвратившихся въ Россію русскихъ подданныхъ было весьма значительно.

Въ видахъ наибольшаго населенія Россіи и улучшенія обработки земель, Императрица Екатерина, по тщательномъ обсужденіи дѣла, рѣшилась призвать иностранцевъ въ Русскую землю, и для того, манифестомъ 22 іюля 1763 г., было объявлено, что и всѣ иностранцы могутъ въѣзжать и селиться въ Россіи кто въ какой губерніи захочетъ, съ тѣмъ, что безъ всякаго стѣсненія могутъ отправлять свою вѣру по своимъ уставамъ и обрядамъ безпрепятственно, строить церкви и избирать по желанію пасторовъ и церковно-служителей.

Едва стало извѣстно въ иностранныхъ державахъ приглашеніе Русской государыни, какъ весьма многіе

иностранцы изъявили желаніе поселиться въ Россіи. По прибытіи въ Россію, иностранцы до водворенія своего получали квартиру и столъ, чѣмъ и пользовались безвозмездно до самаго времени отправки ихъ на мѣста поселенія, сколько бы времени то ни продолжалось. Неимущіе иностранцы были ввозимы въ Россію на иждивеніи нашего правительства. Всѣмъ иностранцамъ, прибывшимъ въ Россію для поселенія, выдаваемы были деньги на покупку хлѣба для посѣва, на обзаведеніе рогатымъ скотомъ и лошадьми, на пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій и открытіе заводовъ и фабрикъ особенно такихъ, которыхъ въ Россіи до того еще не было. Кромѣ того, поселившіеся колонисты освобождались отъ платежа податей и повинностей на 30 лѣтъ, а изъявившіе желаніе жить въ Петербургѣ, Москвѣ и губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи съ припискою къ рабочимъ цѣхамъ и купеческому званію на 5 лѣтъ, въ прочихъ же городахъ Россіи на 10 лѣтъ.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ со времени изданія манифеста, въ Россіи поселилось слишкомъ до 100,000 человѣкъ иностранныхъ колонистовъ. Повсюду стали появляться селенія тамъ, гдѣ прежде были только пустопорожнія земли; запущенныя, необработанныя дотолѣ поля, были воздѣланы и многія произведенія ихъ замѣнили нашему отечеству предметы потребленія, доставляемые до того времени изъ иностранныхъ державъ; появилось множество фабрикъ и заводовъ, дотолѣ небывалыхъ въ Россіи.

Такъ-то мѣропріятіями мудрой Императрицы увеличилось народонаселеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число по-

лезныхъ тружениковъ въ Россіи. Вскорѣ однакоже число желавшихъ селиться въ Россіи возрастало до той степени, что Императрица Екатерина вынуждена была, въ отмѣну своего приглашенія, объявить во всѣхъ европейскихъ государствахъ, что переходъ новыхъ поселенцевъ воспрещается.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины былъ приближенъ къ нейояринъ Иванъ Ивановичъ Бецкій. Это былъ человѣкъ весьма просвѣщенный и сострадательный къ немощамъ человѣчества. Воспитаніе Бецкій получилъ за границею; возвратясь въ Россію, онъ вступилъ на службу государственную при иностранной коллегіи и большею частію жилъ внѣ Россіи, при иностранныхъ дворахъ, куда его посылали по дѣламъ службы.

При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины Великой, Бецкій былъ представленъ Государынѣ. Екатерина, ознакомясь съ Бецкимъ, и признавая въ немъ человѣка отлично образованнаго и способнаго къ государственной дѣятельности, обратила на него особенное вниманіе. Въ началѣ 1763 года Бецкій былъ назначенъ главнымъ директоромъ въ недавно учрежденную тогда Академію Художествъ. Съ этого времени началась полезная служба Бецкаго, желавшаго оправдать милости къ нему мудрой монархини. Главнымъ предметомъ дѣятельности своей онъ избралъ преобразованіе и усовершенствованіе воспитанія въ Россіи, которое тогда велось весьма дурно.

Прежде всего Иванъ Ивановичъ Бецкій обратилъ свое вниманіе на «тѣхъ злосчастныхъ дѣтей, родители которыхъ не только покидаютъ ихъ, а иногда даже, по

УЧРЕЖДЕНІЕ ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II-й въ 1763 г.

жестокосердію своему, рѣшаются даже на тяжкое преступленіе: умерщвляютъ ихъ.» По рѣкѣ Москвѣ почти каждодневно плавали нѣсколько труповъ несчастно-рожденныхъ дѣтей, брошенныхъ матерями. Бецкій зналъ это и не разъ самъ видалъ плавающіе трупы дѣтей; искренно скорбѣлъ онъ о погибшихъ дѣтяхъ и рѣшился способствовать къ искорененію въ народѣ такого безчеловѣчнаго преступленія. Бецкій, зная добрыя свойства души Екатерины, рѣшился изложить ей все дѣло, какъ оно есть, и для того начерталъ проэктъ объ учрежденіи въ Москвѣ, какъ древнѣйшей столицѣ Русской, Воспитательнаго Дома для приносимыхъ дѣтей, съ госпиталемъ для неимущихъ матерей, и представилъ свой проэктъ на Высочайшее усмотрѣніе Императрицы.

Императрица, выслушавъ предложенія Бецкаго, одобрила его мысли и сознала, что дѣйствительно необходимо и безъ всякаго отлагательства учредить Воспитательный Домъ, и для этого проэктъ и планъ Бецкаго поручила предварительно разсмотрѣть знатнѣйшимъ сановникамъ: князю Шаховскому, графу Миниху и Панину, которые впослѣдствіи тоже одобрили проэктъ Бецкаго.

1 сентября 1763 г. послѣдовалъ Высочайшій манифестъ, при которомъ былъ обнародованъ проэктъ и планъ Воспитательнаго Дома съ госпиталемъ, для бѣдныхъ матерей. Главнымъ попечителемъ этого богоугоднаго заведенія назначенъ былъ самъ Бецкій, и Воспитательный Домъ объявленъ подъ особымъ покровительствомъ Русской Императорской короны.

Въ проэктѣ объ учрежденіи въ Москвѣ Воспитатель-

наго Дома и при немъ госпиталя для родильницъ было, между прочимъ, постановлено, чтобы всѣ зданія этого богоугоднаго заведенія возвести не на счетъ Правительства, а на доброхотныя пожертвованія благотворителей. Императрица Екатерина, дабы подать и другимъ примѣръ, единовременно пожертвовала 100,000 рублей и повелѣла впредь отпускать изъ своихъ суммъ по 50,000 рублей ежегодно. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ назначилъ къ отпуску на тотъ же предметъ по 20,000 рублей также ежегодно. Многіе сановники послѣдовали примѣру Августѣйшихъ особъ Императорскаго дома и капиталъ образовался довольно значительный. Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ представилъ изъ своихъ суммъ на постройку одной половины Воспитательнаго Дома. Святѣйшій Синодъ, желая споспѣшествовать великому дѣлу, увѣщевалъ чрезъ проповѣдниковъ простой народъ къ милосердію и сохраненію жизни неповинныхъ младенцевъ; поручалъ священно-церковнослужителямъ призрѣвать несчастнорожденныхъ до времени поступленія ихъ въ Воспитательный Домъ. Для этого Синодъ просилъ начальниковъ епархій устроить при архіерейскихъ домахъ сиропитательницы на иждивеніи Христолюбивыхъ жертвователей, указывая въ этомъ случаѣ на митрополита Іова, который во время управленія Новгородскою паствою устроилъ въ Новгородѣ до десяти такихъ заведеній и призрѣвалъ въ нихъ около 3,000 младенцевъ.

Въ тоже время приступлено было къ построенію Воспитательнаго Дома. Императрица повелѣла всѣмъ высшимъ и низшимъ присутственнымъ мѣстамъ во всемъ государствѣ, оказывать Воспитательному Дому всякое

вспомоществованіе и защиту. Домъ былъ построенъ на мѣстѣ, называвшемся Гранатный (иначе Пушкарный) дворъ, которое и отдано было Императрицею вмѣстѣ съ Васильевскимъ садомъ, подлѣ Москвы рѣки, со всею около лежащею казенною землею, строеніями и отданною отъ Адмиралтейства площадью. Къ 21 апрѣля 1764 года Воспитательный Домъ былъ оконченъ постройкою и въ немъ все было изготовлено къ принятію грудныхъ дѣтей, объ этомъ доложено было Императрицѣ и Опекунскій Совѣтъ приступилъ къ открытію Воспитательнаго Дома.

21 апрѣля 1764 года, въ день рожденія Императрицы Екатерины, при многочисленномъ стеченіи знатныхъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ и простаго народа, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ Московскихъ, былъ совершонъ крестный ходъ изъ соборовъ въ Васильевскій садъ. По совершеніи молебствія о здравіи Государыни, послѣдовало открытіе Воспитательнаго Дома и заложеніе главныхъ каменныхъ зданій его, предназначенныхъ для многихъ тысячъ несчастнорожденныхъ.

Со дня открытія Воспитательнаго Дома начался пріемъ дѣтей обоего пола, коихъ тогда же и было принято около 20 человѣкъ, найденныхъ незадолго передъ тѣмъ большею частію у приходскихъ церквей въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Воспитательный Домъ, существующій и по сіе время въ Москвѣ, служитъ живымъ напоминаніемъ потомству о благости и человѣколюбіи Императрицы Екатерины Великой, Матери отечества. Не задолго до открытія Воспитательнаго Дома, Иванъ Ивановичъ Бецкій докладывалъ Императрицѣ, что въ

Россіи не имѣется точныхъ опредѣленныхъ правилъ, по которымъ слѣдовало бы воспитывать дѣтей и все юношество обоего пола. Государыня, милостиво выслушавъ Бецкаго, поручила ему составить правила для воспитанія юношества въ Россіи. При этомъ Государыня изустно сообщила Бецкому и свои мысли объ этомъ предметѣ и повелѣла изложить ихъ письменно, и представить потомъ на ея воззрѣніе. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1764 года Бецкій представилъ Императрицѣ на ея разсмотрѣніе главнѣйшія основанія о воспитаніи юношества. Императрица одобрила всѣ мысли Бецкаго и тогда же рѣшила открыть нѣсколько другихъ благотворительныхъ заведеній для воспитанія юношества обоего пола. По ея мысли было основано 5 мая 1764 года училище для воспитанія дѣвицъ благороднаго званія. Это училище было учреждено въ Петербургѣ при Воскресенскомъ (нынѣ Смольномъ) монастырѣ на казенномъ иждивеніи и открыто 28 іюня 1764 г. Заведеніе это до сихъ поръ существуетъ и много содѣйствуетъ образованію дѣвицъ дворянскаго происхожденія.

Въ томъ же году 4 ноября при Императорской Академіи послѣдовало учрежденіе трехъ отдѣленій художествъ: живописи, скульптуры и архитектуры, съ тѣмъ, что обучающіеся художествамъ освобождались отъ обязательной военной службы, и мастера и художники, по окончаніи съ полнымъ успѣхомъ своихъ занятій въ Академіи, награждались чиномъ 14 класса. При Академіи Художествъ было учреждено воспитательное училище для малолѣтнихъ дѣтей мужескаго пола всякаго званія, кромѣ крестьянскаго сословія. По примѣру этого заведенія было также открыто при Воскресенскомъ мо-

настырѣ, по предложенію Бецкаго, такое же воспитательное заведеніе для дѣвицъ всякаго званія.

Просвѣщенное покровительство Императрицы всему полезному и милостивое вниманіе къ полезнымъ дѣятелямъ въ государствѣ, побудило дворянина Демидова, послѣ столь многихъ денежныхъ пожертвованій, построить съ соизволенія Государыни, на свой счетъ Коммерческое училище для образованія купеческихъ дѣтей. Демидовъ представилъ при этомъ на вѣчныя времена 205,000 руб. для содержанія въ училищѣ ста мальчиковъ на его иждивеніи.

Таковыми-то дѣяніями и благодѣтельными учрежденіями ознаменованы были восшествіе на престолъ, коронованіе и первые годы царствованія Великой Государыни Екатерины II.

II.

НАКАЗЪ ЕКАТЕРИНЫ.

Наказъ Екатерины 1767 г.—выборъ депутатовъ; учрежденіе и открытіе въ Москвѣ коммисіи для сочиненія проекта Новаго уложенія; Наказъ коммисіи; адресъ поднесенный Императрицѣ депутатами коммисіи и отвѣтъ государыни; дѣйствія коммисіи, выдержки изъ Наказа Екатерины.—Польскій сеймъ и облегченіе участи православныхъ въ Польшѣ.

Наступилъ 1766 годъ—пятый по вступленіи Императрицы на престолъ. Императрица Екатерина въ первые три года своего царствованія, усматривая изъ прошеній, подаваемыхъ ей, изъ сенатскихъ и разныхъ Коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ разсужденій, что изданныя до того въ разное время законы, во многомъ

не достаточно опредѣлительны, пожелала, чтобъ законодательство въ Россіи было приведено въ лучшій порядокъ, и вознамѣрилась составить новое Уложеніе. Для этого, еще со втораго года своего царствованія, Императрица Екатерина II-я стала писать сама «Наказъ» или руководство къ составленію новаго Уложенія. Занимаясь этимъ дѣломъ ежедневно, Императрица слѣдовала лишь побужденію своего ума и сердца и имѣла въ виду пользу, честь и счастіе Россіи, чтобъ предоставить возможное благополучіе всякому живущему въ государствѣ.

«Предуспѣвъ по мнѣнію моему довольно въ сей работѣ», говоритъ Императрица въ своихъ собственноручныхъ запискахъ, «я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности, и между прочими князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и просилъ часто, чтобъ тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ».

Въ 1766 году Императрица окончила «Наказъ» и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1766 года объявила манифестомъ о намѣреніи своемъ учредить въ Москвѣ въ слѣдующемъ году Коммисію, для разсмотрѣнія ея Уложенія. Манифестомъ повелѣно было «прислать въ Коммисію депутатовъ изъ Сената, Синода, всѣхъ Коллегій по одному; отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, по одному; отъ жителей каждаго города по одному; отъ однодворцевъ каждой провинціи по одному; отъ пѣхотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служивыхъ людей и прочихъ, *ландмилицію* содержащихъ, отъ каждой про-

винціи по одному; отъ государственныхъ крестьянъ, изъ каждой провинціи по одному; отъ некочующихъ народовъ, какого бы они закона ни были, крещенныхъ или некрещенныхъ, отъ каждаго народа съ каждой провинціи по одному депутату». Опредѣленіе же числа депутатовъ или представителей отъ казацкихъ войскъ и отъ войска запорожскаго возложено на высшихъ командировъ ихъ. Депутаты должны быть не моложе 25 лѣтъ; имъ обѣщано жалованіе отъ Правительства; на всю жизнь депутаты освобождались отъ смертной казни отъ пытокъ и тѣлеснаго наказанія; обидившій депутата наказывался вдвое противъ обыкновеннаго. Избраніе депутатовъ предписано было произвести баллотировкою по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества, составленный, по выбору, пятью избирателями. Такія подробныя свѣдѣнія затребованы были Высочайшимъ Манифестомъ Екатерины для того, «дабы лучше спознать каждой округи состояніе». Такъ сказано въ собственноручной запискѣ Императрицы по этому дѣлу.

Настaлъ 1767 годъ. Депутаты собрались въ Москву и 30 іюля послѣдовало открытіе коммисіи въ Москвѣ, въ Коломенскомъ дворцѣ *). Въ этотъ торжественный день, предъ началомъ засѣданія, Императрица Екатерина, облеченная въ императорскія регаліи, слушала божественную литургію въ Успен-

*) Покойный графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ разсказывалъ: что въ молодости его, ему показывали, какъ святыню, тѣ подсвѣчники съ письменнаго стола Императрицы, за которымъ Екатерина писала «Наказъ», живя въ Коломенскомъ дворцѣ.

НАКАЗЪ ЕКАТЕРИНЫ II-й 1767 г.

скомъ соборѣ. Туда же, по вступленіи въ храмъ Императрицы, вошли и депутаты по два въ рядъ, въ предшествіи генералъ-прокурора князя А. В. Вяземскаго, державшаго въ рукѣ маршалскій жезлъ. Послѣ литургіи былъ молебенъ, по окончаніи котораго Гавріилъ, епископъ тверской, сказалъ депутатамъ слово о предстоящихъ обязанностяхъ и святости ихъ призванія. Депутаты, напутствованные его внушеніями «цѣловали крестъ и евангеліе, и подписывались подъ присягою». Тѣмъ временемъ Императрица прибыла изъ собора въ аудіенцъ-камеру дворца, куда по окончаніи присяги генералъ-прокуроръ привелъ депутатовъ и разставилъ ихъ по порядку назначенному росписаніемъ. Здѣсь, отъ лица всего собранія, депутатъ отъ Синода, Дмитрій (Сѣченовъ) митрополитъ Новгородскій, говорилъ Императрицѣ привѣтствіе, на которое отвѣчалъ, именемъ Государыни, вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ. «По семъ», гласитъ современное описаніе, «Ея Императорское Величество соизволила вручить генералъ-прокурору обрядъ о употребленіи коммисіею, о сочиненіи проекта новаго Уложенія, Наказъ генералъ-прокурорской и большой Наказъ коммисіи о томъ же, а послѣ того всѣхъ депутатовъ, коихъ было слишкомъ 400 человѣкъ, Ея Величество соизволила допустить къ рукѣ». На слѣдующій день (31 іюля) послѣдовалъ выборъ маршала собранія депутатовъ, коимъ и былъ утвержденъ Императрицею достойный А. И. Бибиковъ.

Когда началось чтеніе «Наказа», то депутаты, изумленные мудростію Законодательства Екатерины, единогласно рѣшили поднести законодательницѣ титулъ: *Великой*, *Премудрой* и *Матери Отечества*, и для то-

го испросили торжественную аудіенцію (12 августа).

Это было воскресенье. Послѣ обѣдни Императрица Екатерина, окруженная блестящею свитою, въ малой коронѣ и императорской мантіи, предшествуемая маршалами съ жезлами и сопровождаемая Наслѣдникомъ престола, пришла, въ аудіенцъ-камеру, гдѣ уже ждали ее депутаты. Когда Монархиня взошла на тронъ, то маршалъ Бибиковъ сказалъ рѣчь, въ которой исчислилъ благодѣтельныя для Государства постановленія «Наказа» и заботливость вѣнценосной составительницы «Наказа», объ общемъ благѣ всѣхъ своихъ подданныхъ и въ заключеніе сказалъ: «Благоволи Великая Государыня! Да украшаемся мы предъ свѣтомъ симъ, намъ славнымъ титломъ, что обладаетъ нами Екатерина Великая, премудрая мать Отечества. Соизволи, Всемилостивѣйшая Государыня, принять сіе титло, какъ приношеніе всѣхъ вѣрныхъ твоихъ подданныхъ, и пріемля оное возвеличь наше названіе; свѣтъ намъ послѣдуетъ: наречетъ тебя матерію народовъ». Въ отвѣтъ на это Императрица Екатерина сказала: «о званіяхъ, кои вы желаете, чтобъ я приняла, отвѣтствую: *Великая*,—о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ безпристрастно судить; *Премудрая*, —никакъ себя назвать не могу, ибо одинъ Богъ Премудръ; *Матерь Отечества*,—любить,—Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ, я за долгъ званія моего почитаю и быть любимою отъ нихъ есть все мое желаніе».

Таковъ былъ скромный отвѣтъ Екатерины, признанной потомками мудрою Монархиней!

О дѣйствіяхъ коммисіи по разсмотрѣнію «Наказа»,

Екатерина сама говоритъ: «Я назначила разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный «Наказъ Коммисіи Уложенія». Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю черкнить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и оставя Наказъ Уложенія, яко оный напечатанъ. Я запретила на оный инако взирать, какъ единственно онъ есть, то есть правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать наономъ дозволено». Императрица, сознавая всю важность основательнаго пересмотра «Наказа», не велѣла коммисіи торопиться расмотрѣніемъ его. Когда она замѣчала излишнее усердіе Бибикова, понуждавшаго государственныхъ представителей (депутатовъ) къ скорѣйшему окончанію работъ, то говорила: «Бога — для, не спѣшите; оставить дѣло на столѣ и взять время, ибо скажутъ, что вы ихъ приневоливаете». Въ тоже время, желая, чтобы въ народѣ знали о дѣятельности коммисіи, Императрица изъявила желаніе, чтобы время отъ времени печатались о томъ извѣстія въ газетахъ.

Не смотря однакожъ на все желаніе Императрицы Екатерины окончить расмотрѣніе «Наказа», составленная ею коммисія мало успѣла сдѣлать и была распущена 12 февраля 1769 года, по случаю начавшейся войны съ Турціею; но памятникомъ заботливости Великой Императрицы о благѣ народа остался ея «Наказъ». Наказъ Императрицы Екатерины начинается слѣдующимъ текстомъ изъ Св. Писанія: *Господи Боже мой! вонми ми, и вразуми мя, да сотворю судъ*

людемъ Твоимъ по Закону Святому Твоему судити въ правду. Затѣмъ уже слѣдуетъ изложеніе мыслей мудрой Монархини въ 526 статьяхъ или параграфахъ. Въ «Наказѣ» Екатерина говоритъ объ общихъ обязанностяхъ человѣка какъ гражданина, и о томъ, что лучшіе законы для государства суть тѣ, которые сообразны съ духомъ времени и нравами народа, то есть, что законы для государства должны соотвѣтствовать требованіямъ народной жизни. Эта замѣчательная мысль впервые была сознана свѣтлымъ умомъ Екатерины и ею же приведена въ исполненіе. «Равенство всѣхъ гражданъ», писала Екатерина въ «Наказѣ», состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подчинены были одинаковымъ законамъ; вольность есть право дѣлать все то, что законы дозволяютъ. Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить. Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію. Пыткою можно осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, имѣющаго силу перенесть пытку. Хотите ли предупредить преступленіе? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину. Сдѣлайте, чтобъ люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялись. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилось между людьми. Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія».

«Въ великомъ государствѣ Россійскомъ, столь много разныхъ народовъ, что для спокойства и безопасности

всѣхъ гражданъ не слѣдуетъ запрещать имъ имѣть разныя вѣры. Гоненіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить, по своему закону, умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ».

Заботясь объ улучшеніи быта поселянъ земледѣльцевъ, Великая Императрица находила, что плата крестьянами помѣщикамъ оброка отъ 1 до 5 руб. слишкомъ велика и обременительна для крестьянъ *), и потому въ «Наказѣ» своемъ писала: «Весьма бы нужно предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе отлучаютъ мужика отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось большее земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ, а платитъ всякій годъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему почти государству. Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо — основанная торговля, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи, или нерачительно производится. Земледѣліе есть самый большій трудъ для человѣка; чѣмъ больше суровость климата приводитъ человѣка къ избѣжанію сего труда, тѣмъ больше законы къ оному

*) Плата оброка отъ 1 — 5 руб. по тогдашнему времени дѣйствительно была слишкомъ обременительна для крестьянъ. Тогдашній рубль равнялся по меньшей мѣрѣ нашимъ 10 рублямъ. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ и то 1 руб. были большія деньги, такъ какъ жизненные припасы были дешевле по крайней мѣрѣ въ три раза.

возбуждать должны; земледѣліе есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять людей должно; второе есть рукодѣліе изъ своего мѣстнаго произрастенія».

Такія-то замѣчательныя мысли изложены въ «Наказѣ» Императрицы Екатерины Великой! Послѣ того понятна та народная, горячая любовь, которую питалъ народъ въ Императрицѣ Екатеринѣ за ея истино-материнскія заботы о благѣ народномъ, за что она и прозвана была: *«Матушка-Государыня, Мать Отечества»*.

Въ то время, какъ въ первопрестольной столицѣ Руси—въ Москвѣ трудились надъ составленіемъ проекта «Новаго Уложенія», въ Польшѣ возникли волненія и безпорядки. Напрасно король польскій и нѣкоторые изъ благоразумныхъ Поляковъ хотѣли уничтожить главную причину этихъ безпорядковъ, и ограничить власть *магнатовъ*, т. е. высшихъ сановниковъ государства. Противъ этого возстала большая часть шляхетскаго (свободнаго) населенія Польши, и недовольные, называвшіеся обыкновенно «конфедератами», принудили востановить въ полной силѣ всѣ прежніе обычаи, терзавшіе и волновавшіе Польшу. Власть гетмановъ была востановлена, точно также, какъ и старинный польскій законъ, по которому даже и одинъ выборный могъ уничтожить рѣшеніе цѣлаго сейма (собранія выборныхъ), сказавъ только: «не позволяю». Для того, чтобы рѣшенія сейма имѣли законную силу, требовалось, чтобы всѣ депутаты или выборные были согласны постановить это рѣшеніе.

23 сентября 1767 года назначено было открытіе сейма, вновь утвердившаго старинные польскіе законы.

День былъ ясный и теплый; почти все населеніе Варшавы съ утра уже спѣшило за городъ, къ деревнѣ Волѣ. Огромная толпа народа тѣснилась на улицахъ Воли, на крышахъ домовъ, на деревьяхъ, заборахъ и проч. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали проѣзда депутатовъ.

Сеймъ собирался обыкновенно на полѣ, у деревни; это обширное поле было окружено валомъ и рвомъ, такъ что имѣло видъ значительнаго укрѣпленія. Внутри укрѣпленія, на полѣ раскинуты были палатки, въ которыхъ и помѣщались выборные, а на самой серединѣ поля находился небольшой деревянный домъ, въ которомъ, во время засѣданія сейма, помѣщались сенаторы, епископы и архіепископъ—примасъ королевства (второе лице въ государствѣ послѣ короля).

— «Сторонись, сторонись»! кричали вершники, съ трудомъ раздвигая народъ на обѣ стороны. «Дай дорогу ясновельможному пану».

И народъ съ любопытствомъ глядѣлъ, какъ мимо его проѣзжали на статныхъ, богато-украшенныхъ коняхъ польскіе вельможи-магнаты. Они ѣхали, гордо закинувъ голову, окруженные многочисленной свитой, и съ пренебреженіемъ смотрѣли на толпу, тѣснившуюся со всѣхъ сторонъ. Они всѣхъ считали ниже себя!

Депутаты въѣзжали на сеймовое поле чрезъ трое отдѣльныхъ воротъ; въ одни ворота въѣзжали депутаты изъ литовскихъ областей, въ другія ворота — депутаты изъ Великой Польши, а въ третьи—изъ Малой Польши. И на самомъ сеймѣ депутаты размѣщались тремя особыми отдѣленіями.

Депутаты, съѣзжавшіеся на сеймъ въ 1767 году,

были особенно озабочены; они знали, что на сеймѣ будутъ отъ нихъ требовать, чтобы Православные были сравнены съ католиками во всѣхъ своихъ правахъ, и твердо рѣшились всѣми мѣрами препятствовать приведенію этаго въ исполненіе.

Между тѣмъ, пока приготовлялось открытіе сейма, другое собраніе происходило въ Варшавѣ, въ палатахъ князя Радзивилла, куда также съѣхалось нѣсколько сотъ знатныхъ депутатовъ: они хотѣли предварительно обдумать сообща, что должно имъ защищать на сеймѣ, и на какія требованія можно будетъ согласиться. Шумный говоръ не смолкалъ ни на минуту; всѣ кричали, спорили, стучали своими длинными саблями. Каждый хотѣлъ выказать себя истиннымъ защитникомъ отечества, разумнымъ и правдивымъ человѣкомъ.

— «Мы должны отстоять нашу отчизну», кричалъ одинъ молодой шляхтичъ. «На насъ остается вся надежда; когда я собирался ѣхать сюда на сеймъ, то отецъ мой благословилъ меня и сказалъ: лучше погибни, а не допускай никакихъ уступокъ схизматикамъ» *).

— «Да неужели мы допустимъ, чтобы уніаты и Православные сидѣли съ нами рядомъ въ судахъ, имѣли бы такія же права, какъ и мы?... Только мы можемъ имѣть эти права, потому что мы свободные шляхтичи, а кто не шляхтичъ,—тотъ холопъ, даже хуже, чѣмъ холопъ—быдло (рабочій скотъ)».

— «Тише, тише, панове», говорилъ какой-то ксендзъ,

*) Такъ Поляки латиняне называли всѣхъ Православныхъ.

осторожно пробираясь въ толпѣ депутатовъ. «Нашъ ясновельможный панъ хочетъ прочесть посланіе».

— «Какое еще посланіе? Зачѣмъ намъ нужно слушать разныя посланія? Развѣ мы сами не знаемъ, что намъ должно дѣлать», вскричалъ нетерпѣливо одинъ изъ шляхтичей.

— «Боже избави каждаго подумать это», отвѣчалъ вкрадчиво ксендзъ. «Богъ далъ пану великій разумъ, да только и посланіе-то важное; его писалъ епископъ краковскій Каэтанъ Солтыкъ».

— «Да тише!... Говорятъ вамъ»! кричали другіе, стараясь вслушаться въ чтеніе окружнаго посланія епископа Солтыка.

Но трудно было унять буйныхъ шляхтичей. Впрочемъ посланіе Солтыка было уже извѣстно многимъ изъ нихъ, потому что оно было повсюду обнародовано еще до открытія сейма. Солтыкъ въ своемъ посланіи убѣждалъ свою паству молиться все то время, пока будутъ происходить засѣданія сейма, а ксендзамъ предписывалъ также совершать ежедневныя молебствія, чтобы Богъ помогъ отклонить домогательство Православныхъ.

Шумъ и крики депутатовъ тогда только умолкли, когда къ шляхтичамъ обратился съ своею рѣчью посолъ, присланный на сеймъ отъ Папы Римскаго (верховнаго епископа латинянъ).

— «Ясновельможные паны», такъ началъ говорить папскій посолъ, «вы собрались сюда на сеймъ, чтобы разсудить споръ между католиками и схизматиками, проживающими въ польской землѣ. Не по своей волѣ собрались вы сюда; васъ избрали ваши отцы и братья

кровные и родные друзья и соплеменники. Отъ васъ потребуютъ они отчета, когда вы, по окончанiи сейма, вернетесь домой. Готовы ли вы исполнить то порученiе, которое нынѣ возложено на васъ»?

— «Готовы, готовы! единогласно воскликнули всѣ выборные, собравшiеся въ обширныхъ палатахъ князя Радзивилла.

— «Но порученiе, которое возложено на васъ, — трудно и опасно. Враги будутъ преслѣдовать васъ, можетъ быть будутъ даже угрожать вашей жизни. Готовы ли вы пострадать за нашу вѣру?«

— «Готовы! Умремъ за вѣру»! вновь воскликнуло все многочисленное собранiе.

— «И такъ», торжественнымъ голосомъ произнесъ папскiй посолъ, «я именемъ вашимъ клянусь, что всѣ вы, до единаго готовы защищать вѣру отцевъ, что вы скорѣе погибнете, чѣмъ измѣните этой клятвѣ. Благословляю васъ», продолжалъ посолъ, торжественно осѣняя крестомъ все собранiе.

Воодушевленiе депутатовъ достигло высшей степени, послѣ этой рѣчи, сказанной папскимъ посломъ. Многiе плакали, и ударяя себя въ грудь, клялись защищать латинскую вѣру до послѣдней капли крови, и не дозволять сейму сравнивать въ правахъ католиковъ съ Православными и лютеранами.

Въ эту минуту вошелъ въ залу собранiя русскiй посланникъ князь Репнинъ. Тогда все собранiе обратилось къ нему, и съ шумомъ и угрозами, призывая небо въ свидѣтели, клялось умереть за сохранiе господства своей вѣры.

Спокойно, съ усмѣшкою слушалъ князь Репнинъ эти крики и шумныя заявленія.

— «Перестаньте шумѣть», сказалъ онъ наконецъ депутатамъ, «а если вы будете продолжать кричать, то и я заведу шумъ, и мой шумъ будетъ громче ва-шего. Никто не отнимаетъ у васъ права имѣть рев-ность къ своему закону; все это похвально, но развѣ кто нибудь хочетъ нарушать права латинскаго испо-вѣданія. Если вы дѣйствительно хотите быть вѣрными закону, то вы должны исполнять его справедливыя предписанія, и никому не дѣлать принужденія въ вѣрѣ».

— «Князь, кто далъ тебѣ право останавливать за-явленія депутатовъ, собравшихся на сеймъ»? отвѣчалъ князю Репнину епископъ Каэтанъ Солтыкъ. «Панове, потерпимъ ли мы, чтобы Москва вмѣшивалась въ наши распоряженія», продолжалъ онъ, обращаясь къ депута-тамъ. «Московскія и прусскія войска занимаютъ поль-скія области, а мы равнодушно смотримъ на это! От-чизна гибнетъ, а мы не идемъ на ея защиту, не жерт-вуемъ всѣмъ, что у насъ есть драгоцѣннаго, чтобы только спасти нашу милую, дорогую родину? Русскій посолъ вмѣшивается въ распоряженія и пренія сейма. Когда это было видано»?..

Слова Солтыка видимо произвели сильное впечатлѣ-ніе на депутатовъ; но они не поколобали мужества и хладнокровія князя Репнина. Онъ по прежнему стоялъ посреди залы собранія, скрестивъ руки, и безстрашно глядя на толпу своихъ раздраженныхъ враговъ.

— «Да, если послушать ваши рѣчи, то вы всѣ лю-бите родину, и готовы даже жертвовать за нее своею жизнью», отвѣчалъ князь Репнинъ. «Но знайте же,

что и между вами есть измѣнники, готовые за деньги продать благо своей родины. Я знаю всѣхъ ихъ, знаю знаю кто получилъ богатые подарки и обязался за нихъ содѣйствовать на сеймѣ выгодамъ задарившаго. Хотите ли, чтобы я предъ всѣми обнаружилъ имена этихъ измѣнниковъ и предателей»?

Всѣ молчали; только одинъ Каэтанъ Солтыкъ сказалъ, подойдя къ князю Репнину.

— «Говори князь, мы всѣ хотимъ узнать имена измѣнниковъ».

— «Я скажу вамъ ихъ имена, если на сеймѣ не будетъ рѣшено даровать Православнымъ одинаковыя права, какъ и католикамъ. Тогда я обнаружу предъ всѣми, кто изъ васъ обманщикъ; кто бралъ деньги, обѣщаясь содѣйствовать на сеймѣ выгодамъ Православныхъ, и не исполнилъ своего обѣщанія».

Сказавъ это, князь Репнинъ вышелъ изъ залы собранія. Вскорѣ послѣ того разъѣхались и депутаты, смущенные и встревоженные.

Въ 1771 году, т. е. чрезъ девять лѣтъ по вступленіи на русскій престолъ Императрицы Екатерины, договоромъ утвержденъ былъ *первый раздѣлъ* Польши. Императрица Екатерина исполнила обѣтъ, данный ею при короновакіи: защитить Православныхъ, подвластныхъ Польшѣ, и гоненія въ Бѣлоруссіи прекратились.

III.

ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА. КАГУЛЬСКІЙ БОЙ.

Много разъ приходилось Русскимъ войскамъ биться съ Турками, своими полудикими сосѣдями, оберегая пограничныя области отъ ихъ вторженій. Не разъ переходили и Русскіе турецкую границу, чтобы отомстить басурманамъ за раззореніе своихъ селъ и городовъ, за гоненія на своихъ Православныхъ единовѣрцевъ. Храбрые Запорожцы первые доказали врагамъ — Туркамъ, что ничто не остановитъ храбраго Русскаго воина, если знаетъ онъ, что идетъ въ битву за свою родину.

Въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины, русскимъ войскамъ также пришлось встрѣтиться грудью съ турецкими полчищами. Именно въ 1769 году возникла война съ Турціею, продолжавшаяся съ 1769 по 1774 г. Война эта прославила русское оружіе на сушѣ и на морѣ. Въ особенности славна была для русскихъ битва на сушѣ при Кагулѣ, 1776 года. Русскій корпусъ въ 17,000 человѣкъ вступившій въ Турцію, подъ предводительствомъ знаменитаго русскаго полководца графа Румянцева, расположенъ былъ на обширной равнинѣ, близь рѣчки Кагула. Солдаты отдыхали послѣ утомительнаго перехода; не слышно было ни пѣсенъ, ни даже говора. Каждый старался укрыться отъ зноя, и съ нетерпѣніемъ поджидалъ, скоро ли закатится солнце и наступитъ прохладный, лѣтній вечеръ. Въ разныхъ мѣстахъ дымились костры, на которыхъ приготовлялся походный, солдатскій ужинъ. Старики солдаты, опытные въ бояхъ, воодушевляли

молодыхъ рекрутъ, сидѣвшихъ вкругъ бивуачнаго огня въ ожиданіи незатѣйливаго ужина.

Между тѣмъ уже потухла вечерняя заря, и густой туманъ ложился на землю. Быстро наступила ночь и свѣтъ дневной смѣнился ночнымъ мракомъ. Въ южныхъ странахъ ночью почти не бываетъ сумерекъ. Закатится солнышко ясное, догорятъ послѣдніе лучи вечерней зари, и—уже все темно въ окрестности. Только мѣсяцъ ярко обливаетъ лучами землю, да звѣзды ясныя горятъ и свѣтятъ въ ночномъ, безоблачномъ небѣ.

Русское войско проводило послѣднюю ночь передъ битвой и многимъ изъ тѣхъ, которые беззаботно спали въ эту ночь, привелось на слѣдующій день на-вѣки улечься въ землю на покой, до дня Страшнаго суда Божія. Но судьбы Господни неисповѣдимы, и никто изъ русскихъ воиновъ не думалъ о смерти. «Будь на все воля Божія», такъ мысленно повторялъ каждый про себя.

А вдали, словно зарево пожара, свѣтился на небѣ отблескъ турецкихъ костровъ. Турецкая 150-ти тысячная армія была уже близко, и готовилась съ первыми лучами восходящаго солнца вступить въ битву съ малочисленнымъ, 17-ти тысячнымъ русскимъ корпусомъ. Но этотъ русскій корпусъ находился подъ начальствомъ Румянцева, и этого было уже довольно, чтобы быть увѣреннымъ въ торжествѣ Русскихъ надъ врагами.

21 іюля 1770 года, начался знаменитый, вѣчно памятный Кагульскій бой.

Задолго до разсвѣта, тихо, въ величайшемъ порядкѣ двинулась впередъ вся армія русская. Не бренчали

штыки, которыми, незадолго до того времени, главнокомандующій Румянцевъ замѣнилъ прежнія рогатки, *) не слышно было шума шаговъ, ни говора людскаго. Всѣ понимали, что отъ неожиданнаго появленія русской арміи передъ непріятельскимъ лагеремъ, отъ быстрой и стремительной аттаки, зависитъ весь успѣхъ битвы.

Начало разсвѣтать, и когда взошло солнце, то первые его утреннія лучи освѣтили всю армію русскую, уже построенную въ боевой порядокъ. Вся 17-ти тысячная русская армія была раздѣлена на пять кареевъ, подъ начальствомъ генераловъ: Олица, Боуера, Брюса, Репнина и Племянникова. Русскіе ждали только команды Румянцева, чтобы ворваться въ окопы, которыми былъ защищенъ турецкій лагерь.

Грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій—и началась кровавая битва. Съ гикомъ и воплями бросились Турки на приближавшихся Русскихъ. Непріятельская кавалерія со всѣхъ сторонъ окружила русскіе кареи, которые, оградясь штыками, стойко выдерживали отчаянный натискъ непріятеля. Турки, какъ бѣшеные, рвались впередъ, взбирались по трупамъ товарищей—и гибли подъ русскими штыками. Густой пороховой дымъ застилалъ всю окрестность, и въ этомъ непроницаемомъ дыму свѣтились только по временамъ огни пушечныхъ выстрѣловъ. Громъ пушекъ, стоны раненыхъ, команды начальниковъ, воинскіе клики Ту-

---

*) До того времени пѣхотные полки въ походѣ постоянно носили съ собою рогатки, которыми они и ограждали себя отъ аттакъ непріятельской кавалеріи.

рокъ, рвавшихся впередъ—все сливалось въ одинъ нестройный, оглушительный гулъ.

Въ это-то время, когда все вниманіе Русскихъ было обращено на непріятеля, со всѣхъ сторонъ окружившаго кареи, пробирался узкою лощиною 10-тысячный отрядъ янычаръ, избраннаго турецкаго войска. Незамѣтно подкрались янычары, и пользуясь общимъ смятеніемъ, неожиданно ударили на каре, находившееся подъ начальствомъ генералъ-поручика Племянникова. Полки: Астраханскій и Первомосковскій были смяты этимъ неожиданнымъ, отчаяннымъ натискомъ враговъ. Напрасно старые, закаленные въ бояхъ солдаты скрещивали свои штыки; янычары ворвались уже въ середину каре, которое въ безпорядкѣ поспѣшно начало отступать.

Мужество главнокомандующаго спасло отъ истребленія каре Племянникова. Румянцевъ, съ обнаженною шпагою въ рукѣ, бросился въ середину отступавшихъ. «Ребята, стой!» кричалъ Румянцевъ; «назадъ, на враговъ!... Ура!»

Услыша голосъ любимаго начальника, отступавшіе полки остановились, и поспѣшно начали строиться. Снова раздалось громкое, русское «ура»! и полки Племянникова наклонивъ штыки, мужественно бросились впередъ, на янычаръ. Къ нимъ на помощь подоспѣлъ также 1-й гренадерскій полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ) съ своимъ храбрымъ командиромъ Озеровымъ, и полки русской тяжелой кавалеріи подъ начальствомъ графа Салтыкова и князя Долгорукова. Аттака янычаръ была отражена.

Вскорѣ громкое «ура!» уже раздавалось въ турец-

кихъ окопахъ; въ непріятельскомъ лагерѣ развѣвались русскія знамена, блестѣли солдатскіе штыки. Турки бѣжали, въ полномъ разстройствѣ.

— «Наши одолѣли!... Побѣда, побѣда!»... Кричали радостно солдаты.

Черезъ часъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла лагеремъ 150-ти тысячная турецкая армія, не оставалось уже ни одного непріятеля.

Такъ совершилась знаменитая битва при Кагулѣ. Не менѣе замѣчательна также была битва на морѣ при Чесмѣ, гдѣ русская эскадра, предводимая неустрашимымъ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ истребила весь Турецкій флотъ. Вообще шестилѣтняя война съ Турціею окончилась для Россіи славно, такъ что даже многія европейскія державы съ завистью смотрѣли на успѣхи Русскаго оружія и усиленіе могущества Имперіи. У Турокъ завоеваны были: Валахія, Измаилъ, Килія, Браиловъ, Бендеры и положено основаніе покоренію Крыма; Оттоманская Порта доведена была войною до такой крайности, что согласилась на всѣ условія, которыя предложила ей Россія. Вслѣдствіе этого, 10 іюля 1774 г., при Кучукъ-Кайнарджи подписаны были въ Русскомъ лагерѣ, уполномоченными съ обѣихъ сторонъ, условія вѣчнаго между Россіею и Турціею мира. По Кучукъ-Кайнарджійскому миру всѣ татары Крымскіе, Буджакскіе, Кубанскіе Едисанцы и пр. были признаны подвластными Россіи, независимыми отъ Порты; русскимъ купеческимъ судамъ дозволено свободное плаваніе по Черному морю; замокъ Кинбурнъ съ округомъ по лѣвому берегу Днѣпра и степями между рѣкъ Буга и Днѣпра, а также крѣпости: Керчь, Еникале съ при-

станями и уѣздами и городъ Азовъ съ уѣздомъ поступилъ въ полное, вѣчное и неотъемлемое достояніе Россійской Имперіи. Сверхъ того, Порта обязалась уплатить Россіи за военные убытки четыре милліона пятьсотъ тысячъ рублей. Взамѣнъ этого Россія возвратила Портѣ всѣ сдѣланныя ею въ продолженіи войны завоеванія.

Заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира съ Портою торжественно праздновалось въ Петербургѣ. Въ продолженіи 13 дней (съ 10 по 23 іюля 1775 г.) непрекращалось празднество и было ознаменовано милостивыми наградами Императрицы наиболѣе отличавшимся на полѣ брани.

IV.

ВНУТРЕННІЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ.

Выпускъ ассигнацій. — Учрежденіе Воспитательнаго Дома въ Петербургѣ.—Изданіе Императрицею «Учрежденія для управленія губерній». —Заботы Императрицы о народномъ образованіи.—Екатерина II-я писательница.—Ея сочиненіе «Фелица».—Поощреніе Императрицею писателей и сочинителей.—Присоединеніе Крыма и Новороссіи.

Славныя побѣды русскихъ войскъ во время турецкой войны, и возсоединеніе Бѣлоруссіи съ Россіею, были какъ-бы предвозвѣстниками тѣхъ великихъ дѣяній, которыми ознаменовалось продолжительное царствованіе Императрицы Екатерины II-й Алексѣевны. Сама Императрица не находилась при арміи, но она довѣряла свои войска избраннымъ ею полководцамъ, которыхъ зоркій ея глазъ съ разу умѣлъ отличить въ

толпѣ блестящихъ царедворцевъ. — Такъ возвысились въ царствованіе Императрицы Екатерины: Орловъ, Потемкинъ, Суворовъ, и многіе другіе, единственно по своимъ способностямъ и заслугамъ.

А въ то время, когда на окраинахъ Россіи происходили кровавыя битвы, и бѣжали побѣжденные, испуганные враги, Императрица Екатерина Алексѣевна въ своемъ кабинетѣ дѣятельно трудилась на благо вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Такъ въ 1769 году по ея повелѣнію сдѣланъ былъ первый въ Россіи выпускъ бумажныхъ денегъ (или ассигнацій). Въ 1770 году по проэкту И. И. Бецкаго и по одобреніи Императрицею, его проэкта учрежденъ былъ Воспитательный Домъ въ Петербургѣ.

Въ минувшемъ 1872 году 6 сентября было праздновано столѣтіе учрежденія Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома въ Петербургѣ. (Хотя пріемъ несчастнорожденныхъ младенцевъ начался съ 2 октября 1770 года, однакожъ С.-Петербургское отдѣленіе Московскаго Воспитательнаго Дома считается окончательно утвержденнымъ лишь съ 6 сентября 1772 г.). Въ теченіи ста лѣтъ С.-Петербургскій Воспитательный Домъ призрѣлъ до 370,000 дѣтей обоего пола. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ, начиная съ учредительницы его Императрицы Екатерины II, такъ и въ настоящее время, находится подъ особымъ Высочайшимъ Монаршимъ покровительствомъ, что засвидѣтельствовано и Самимъ Монархомъ нашимъ, благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ II, въ Высочайшей грамотѣ Императорскому С.-Петербургскому Воспитательному Дому, 6 сентября 1872 г., данной по случаю празднованія въ минувшемъ году сто-

лѣтія учрежденія С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома.

Въ 1775 году Императрица Екатерина Алексѣева издала «Учрежденіе для управленія губерній», по правиламъ учрежденій судебныя и правительственныя мѣста были раздѣлены на губернскія и уѣздныя; къ губернскимъ принадлежали: Губернское Правленіе, Палаты: Гражданская, Уголовная и Казенная; Верхній Земскій Судъ; Верхняя Расправа, Губернскій Магистратъ и Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Къ уѣзднымъ учрежденіямъ принадлежали: Уѣздный Судъ съ Дворянскою Опекою и Уѣзднымъ Казначействомъ, Нижній Земскій Судъ, Городовой Магистратъ съ Сиротскимъ Судомъ, Совѣстный Судъ и Нижняя Расправа.

Благодѣтельно было для народа учрежденіе всѣхъ помянутыхъ присутственныхъ мѣстъ, такъ какъ каждый имѣющій дѣло, зналъ, куда, по роду дѣла, онъ долженъ обратиться. Нѣкоторыя изъ учрежденій Екатерины Великой оставались неизмѣнно до настоящаго времени, такъ напримѣръ: Губернскія Правленія, Казенныя Палаты, Казначейства, Дворянскія Опеки, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ существуютъ еще и теперь Гражданскія и Уголовныя Палаты и Уѣздные Суды, и всѣмъ этимъ присутственнымъ мѣстамъ положила основаніе мудрая Екатерина II. Она же положила основаніе и первоначальному умственному образованію въ нашемъ отечествѣ, учредивъ въ Петербургѣ (1783 г.) «Главное Народное Училище» и повелѣвъ открывать таковыя же и въ прочихъ городахъ Имперіи.

Въ тоже время Императрица Екатерина II-я заботилась и о воспитаніи и образованіи своего сына, цесаревича

Павла Петровича, наслѣдника престола и будущаго царя Россіи. Императрица Екатерина сама сочиняла для него назидательныя повѣсти и разсказы. Такъ, между прочимъ, написала она сказку о Киргизъ-кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, которая своими совѣтами помогла молодому царевичу Хлору взойти на неприступную вершину. Въ этой сказкѣ Императрица Екатерина, подъ именемъ Фелицы, описывала разумъ, которымъ можно преодолѣть всѣ препятствія, а подъ именемъ розы безъ шиповъ, — разумѣла добродѣтель.

Весною, въ мартѣ 1783 года, однажды по улицамъ Петербурга, ведущимъ ко дворцу Императрицы Екатерины, замѣтно было сильное оживленіе. Народъ толпился у подъѣзда дворца, чтобы поглядѣть на вельможъ, съѣзжавшихся во дворецъ; дорогіе, изукрашенные экипажи, запряженные четвернею лошадей, безпрерывно подъѣзжали къ подъѣзду дворца; народъ въ особенности ждалъ пріѣзда князя Потемкина, потому что въ Петербургѣ давно уже ходили разсказы о роскоши этого перваго сановника имперіи. Говорили, что когда онъ выѣзжалъ изъ своего дома, то его лошадей нарочно только слегка подковывали серебряными подковами. На дорогѣ эти подковы отпадали, и тогда толпа народа, слѣдившая за поѣздомъ князя Потемкина, бросалась поднимать эти дорогія подковы. Неудивительно послѣ того, что народъ въ Петербургѣ далъ князю Потемкину наименованіе: *Великолѣпный князь*.

Въ залахъ дворца также замѣтно было сильное оживленіе. Толпы вельможъ, въ напудренныхъ парикахъ, и разукрашенныхъ золотомъ французскихъ кафтанахъ, ожидали выхода Императрицы изъ внутреннихъ ея по-

коевъ. Въ числѣ царедворцевъ былъ и Державинъ, знаменитый поэтъ и писатель временъ Екатерины Великой. Многіе изъ вельможъ съ любопытствомъ посматривали на Державина, который въ первый разъ явился во дворецъ, чтобы представиться Императрицѣ Екатеринѣ.

Чѣмъ же Державинъ имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе Императрицы?

Незадолго до того времени, Державинъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ онъ, подъ именемъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Фелицы описалъ Екатерину. Державинъ восхвалилъ ея доброту, правосудіе, любовь къ подданнымъ, неутомимую ея дѣятельность на благо народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ описалъ также и нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ царскихъ вельможъ, какъ напр. Потемкина, Орлова, Нарышкина, и другихъ.

Когда Императрица Екатерина вошла въ залу, то прежде всего она окинула взглядомъ всѣхъ присутствовавшихъ, какъ бы отыскивая кого-то; потомъ, замѣтивъ Державина, она подошла къ нему, и подала ему руку.

— «Я хотѣла видѣть человѣка, который знаетъ меня такъ хорошо», сказала Императрица Державину. «Да, господа», продолжала она, обращаясь къ своимъ царедворцамъ, «онъ прекрасно описалъ въ своей одѣ (стихотвореніи) и меня и васъ. Вѣдь вы читали оду Фелица?»

— «Какъ же, Ваше Императорское Величество; всѣ читали», отвѣчалъ Нарышкинъ.

— «Вѣдь г. Державинъ очень вѣрно описалъ васъ;

не правда ли?» говорила Императрица. «Вы замѣтили это мѣсто въ его стихотвореніи?»

Нарышкинъ молча поклонился.

— «Вотъ возьмите и прочитайте, если вы еще не вполнѣ ознакомились съ новой одой», продолжала Императрица, взявъ изъ рукъ своей любимицы, княгини Дашковой, нѣсколько, только что отпечатанныхъ листковъ. «Возмите и вы также», говорила она, обращаясь къ другимъ своимъ царедворцамъ.

Всѣ торопливо принимали изъ рукъ Императрицы листки оды Фелица, гдѣ были карандашемъ отчеркнуты мѣста, относившіяся до Потемкина, Орлова и другихъ приближенныхъ къ Императрицѣ лицъ. Многіе подходили къ Державину, жали ему руку, поздравляли съ милостью Императрицы. Но были и такіе, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на поэта, осмѣлившагося обнаружить ихъ недостатки.

Наконецъ Императрица удалилась въ свои внутренніе покои, и вельможи одинъ за другимъ разъѣхались изъ дворца. Но Императрица долго еще бесѣдовала въ своемъ кабинетѣ съ Потемкинымъ, который въ то время одинъ пользовался довѣренностью Государыни. Много трудовъ и заботъ предстояло Императрицѣ, и ей нужны были вѣрные слуги отечества, ревностные исполнители ея повелѣній. Таковъ былъ князь Потемкинъ, ничего не щадившій для блага и славы своей Повелительницы.

Въ это время предѣлы Россіи были только что расширены новыми, важными завоеваніями. Присоединенъ былъ къ Россіи Крымъ (1783 г.), и плодородный Новороссійскій край. Надобно было устроить эти земли,

заселить ихъ, обработать и не оставлять безъ пользы плодородную, черноземную землю. Внутри государства также только что водворенъ былъ порядокъ и спокойствіе; незадолго до того времени Россія перенесла два страшныхъ бѣдствія: моръ въ Москвѣ и бунтъ Емельяна Пугачева, взволновавшаго весь пріуральскій и приволжскій край.

V.

МОРОВАЯ ЯЗВА И БУНТЪ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА.

Давно уже первопрестольная Москва не знавала такого бѣдствія, какое разразилось надъ нею въ 1771 году: это была страшная, мучительная болѣзнь — моровая язва. Не смотря на мѣры, принятыя правительствомъ, моровая язва проникла изъ Турціи и Молдавіи въ Малороссію и другія южнорусскія области, а въ половинѣ 1771 года обнаружилась и въ Москвѣ. Весь народъ былъ въ ужасѣ; не знали даже, какія принять мѣры къ пресѣченію этой повальной болѣзни. Кто могъ, тѣ удалялись изъ зараженной Москвы въ ближнія деревни, разнося тѣмъ заразу по окрестностямъ столицы. Многія пригородныя деревни вымерли до единаго человѣка; вездѣ виднѣлись заколоченныя на-глухо ворота и кресты, начерченные красною краской на стѣнахъ избъ, означая тѣмъ, что въ этихъ домахъ перемерли всѣ домашніе, и что этотъ домъ должно обѣгать, какъ зараженный. Въ Москвѣ, гдѣ народонаселеніе весьма велико, моровая язва свирѣпствовала еще съ большею силою. Въ короткое время умерло въ Москвѣ болѣе 130 тысячъ человѣкъ.

Къ это время въ Москвѣ всѣ глубоко вѣровали, что для избавленія отъ заразы должно ставить свѣчи и молиться предъ иконою Богоматери на Варварскихъ воротахъ въ Кремлѣ. Несмѣтныя толпы народа устремились тогда къ Варварскимъ воротамъ, толкали, давили другъ друга, чтобы только взобраться поскорѣе по приставленной лѣстникѣ, и приложиться къ иконѣ. Но язва не уменьшалась, а еще болѣе увеличивалась, потому что при этомъ здоровые люди безпрерывно приходили въ соприкосновеніе съ зараженными, или пришедшими изъ зараженныхъ домовъ, и въ свою очередь приносили заразу въ свои домы.

Болѣе года свирѣпствовала моровая язва въ Москвѣ и въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Много горя и слезъ принесъ для Россіи этотъ тягостный 1771 годъ.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Россія была встревожена новою, страшною вѣстью о мятежѣ на рѣкѣ Яикѣ (Уралъ), и о появленіи самозванца между Яицкими казаками.

Предводителемъ мятежниковъ явился донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, который дерзнулъ присвоить себѣ имя умершаго Императора Петра III-го. Пугачевъ пробрался на Яикъ, и объявилъ, сперва за тайну, потомъ,— видя легковѣріе казаковъ—говорилъ открыто, что будтобы онъ Императоръ Петръ III, и что о смерти его пронесся ложный слухъ. Онъ обѣщалъ казакамъ вести ихъ на Москву, и постановить старую вѣру. На призывъ Пугачева собрались къ нему раскольники, бѣглые, Киргизы, Башкиры, казаки. Начались различныя жестокости и неистовства; цѣлый годъ продолжался мятежъ, пока наконецъ Пугачевъ, разбитый и преслѣдуемый войсками,

долженъ былъ удалиться къ Астрахани. Онъ надѣялся пробраться оттуда въ Турцію или Персію, но намѣреніе злодѣя не удалось; товарищи его, видя неудачу самозванца, и надѣясь заслужить милость правительства, рѣшились выдать его.

14 сентября было послѣднее совѣщаніе казаковъ-старовѣровъ. Казаки, не соглашавшіеся выдать Пугачева, разсѣялись, а прочіе пошли къ избѣ, гдѣ Пугачевъ остановился на ночлегъ.

Пугачевъ въ это время сидѣлъ одинъ, въ задумчивости; оружіе его висѣло въ сторонѣ. Увидя вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову, и спросилъ, «что имъ надобно?»

— «Да вотъ, мы пришли перемолвить съ тобою словечка два», отвѣчали казаки. «Что намъ дѣлать-то теперь? Вѣдь и сюда уже идутъ царскія войска».

— «Да это можетъ статься, еще только одни пустые слухи!»

— «Какіе слухи! Вотъ сейчасъ прибыли казаки изъ подъ Гурьева городка, и говорятъ, что тамъ войска видимо-невидимо».

— «Ну такъ чтожъ, мы пойдемъ къ Астрахани», говорилъ Пугачевъ, стараясь ободрить своихъ соумышленниковъ.

— «И изъ Астрахани выступили войска... Да что тутъ говорить: мы окружены со всѣхъ сторонъ; отовсюду идутъ на насъ, и отъ Волги, и отъ Яика, отъ Саратова, отъ Астрахани. А тутъ еще, того и гляди, попадешься въ руки Калмыкамъ. Вѣдь теперь эти бусурманы повсюду рыщутъ въ степи».

Пугачевъ призадумался; между тѣмъ казаки пере-

глянулись между собою, и потихоньку стали подвигаться къ стѣнѣ, на которой висѣла сабля Пугачева и его заряженные пистолеты. Одинъ изъ казаковъ—любимецъ Пугачева—по имени Твороговъ, успѣлъ даже осторожно снять его саблю со стѣны.

Послѣ небольшаго раздумья, Пугачевъ всталъ со скамьи и, обращаясь къ казакамъ, сказалъ беззаботно:

— «А вотъ что товарищи, вѣдь теперь намъ все равно, куда идти; вездѣ противъ насъ высланы войска; пойдемте къ нашимъ, къ Гурьеву городку».

— «Нѣтъ, ужь довольно мы ѣздили за тобой; теперь ты поѣзжай за нами», отвѣчали казаки, толпою бросаясь на Пугачева.

— «Измѣна»! крикнулъ было злодѣй, съ отчаяніемъ отбиваясь отъ нападавшихъ. «Выручайте товарищи»!

Но никто не явился на помощь, на его отчаянный призывъ. Бывшіе его сообщники видѣли теперь, въ какую гибель завлекъ ихъ дерзкій самозванецъ, и твердо рѣшились предать его въ руки правительства.

Долго продолжалась отчаянная борьба, Пугачевъ успѣлъ было отбиться отъ казаковъ, но онъ уже видѣлъ, что ему нѣтъ болѣе надежды избавиться отъ гибели. Самозванецъ былъ обезоруженъ его же сообщниками.

— «Я давно подозрѣвалъ, что вы хотите измѣнить мнѣ», сказалъ наконецъ Пугачевъ. «Ну, чтожъ дѣлать! Плетью обуха не перешибешь... Твороговъ, подойди сюда, вяжи мнѣ руки».

Такъ былъ захваченъ и преданъ правительству самозванецъ Емельянъ Пугачевъ. 10 января 1775 года была надъ нимъ совершена казнь въ Москвѣ; тогда же казнены были и главные его сообщники: Перфильевъ,

Чика, Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ. Восемнадцать другихъ сообщниковъ были наказаны кнутомъ и сосланы въ каторжную работу. Мятежъ на Яикѣ былъ окончательно усмиренъ, и Императрица Екатерина, желая, чтобы даже не осталась и память объ этомъ прискорбномъ и тяжеломъ времени, приказала перемѣнить названіе рѣки Яика, и наименовать ее Ураломъ, а Яицкихъ казаковъ—называть впередъ: Уральскими казаками.

VI.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЬНИЦЫ.

Путешествіе Императрицы въ Крымъ.—Пребываніе Императрицы въ Тулѣ.

Завоеватель Крыма, блистательный князь Тавриды, Потемкинъ, хотѣлъ показать государынѣ своей, обширный край, только-что завоеванный имъ у хищныхъ татаръ. Поѣздъ Государыни, или вѣрнѣе сказать ея торжественное шествіе, было окружено неслыханнымъ блескомъ, еще болѣе поразительнымъ среди безбрежной степи, оглашаемой еще такъ недавно дикимъ гиканьемъ татаркихъ ордъ.

Безлюдныя Приднѣпровскія степи вдругъ оживились тысячами праздничнаго народа, пѣснями и восторженными криками встрѣчавшаго свою Мать Царицу.

Въ древнемъ, златоглавомъ Кіевѣ, колыбели русскаго православія никогда не бывало такого многолюдства и оживленія на его улицахъ и площадяхъ, какъ весною 1787 года, когда ждали прибытія Матушки-Царицы. На это великое, народное торжество съѣхались въ Кіевъ представители всѣхъ народовъ, заселяющихъ простран-

ную Русь. Тутъ можно было встрѣтить русскихъ царедворцевъ, въ блестящихъ, вышитыхъ золотомъ кафтанахъ того времени, и татаръ, въ ихъ чалмахъ, высокихъ, остроконечныхъ шапкахъ и халатахъ изъ турецкихъ матерій. Въ Кіевъ собрались и Запорожцы съ своими куренными атаманами, Поляки изъ только что присоединенныхъ къ Россіи областей: Бѣлоруссіи и Литвы; Греки и Армяне, переселившіеся въ Новороссійскій край, Сербы, незадолго до того времени вышедшіе изъ Турціи подъ предводительствомъ своихъ народныхъ вождей: Депререрадовича и Хорвата, и поселившіеся въ Екатеринославской губерніи. Вся эта толпа разноплеменныхъ переселенцевъ стеклась отовсюду на берега Днѣпра, чтобы привѣтствовать свое солнышко-красное, Матушку-Царицу. Всѣ радовались, зная что прибытіе Императрицы Екатерины Алексѣевны въ южно-русскій край, будетъ имѣть много важныхъ и благихъ послѣдствій. Не даромъ же краснорѣчивый бѣлорусскій архіепископъ Георгій Конисскій,—тотъ самый, который при вступленіи Императрицы Екатерины на престолъ, такъ усердно ходатайствовалъ за Православныхъ, угнетаемыхъ Поляками,—не даромъ же Георгій Конисскій сравнилъ Императрицу Екатерину съ солнцемъ, которое обходя землю кругомъ, всюду разливаетъ свой благотворный свѣтъ. Встрѣчая Императрицу Екатерину въ городѣ Мстиславлѣ, архіепископъ Георгій Конисскій сказалъ въ своей привѣтственной рѣчи:

— «Оставимъ астрономамъ *) нашимъ доказывать что земля обращается вокругъ солнца; наше солнце

*) Т. е. ученымъ, наблюдающимъ свѣтила небесныя.

(т. е. Императрица Екатерина) вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ за тѣмъ, чтобы мы въ благополучіи пребывали.

— «Спѣши же къ намъ, солнце наше», такъ окончилъ свою рѣчь знаменитый проповѣдникъ; «спѣши исполинскими стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ. Не спѣши только къ западу своей жизни. Въ этомъ случаѣ мы какъ Іисусъ Навинъ, воздѣвая свои руки, восклицаемъ: стой солнце и не движися, пока ты не совершишь все предначертанное тобою».

Наступила весна, вскрылся быстрый Днѣпръ, начались вешніе теплые деньки. На днѣпровскихъ волнахъ уже красовались разукрашенныя суда, приготовленныя Потемкинымъ для Императрицы и для всѣхъ особъ, сопровождавшихъ ее. Несмѣтная толпа народа присутствовала при выѣздѣ Императрицы изъ Кіева; всѣ тѣснились, давили, толкали другъ друга, чтобы только хоть издали, хотя мелькомъ взглянуть на Матушку—Царицу.

— «Ой родимый, постой, не бѣги такъ скоро, «говорилъ сѣдой старикъ, съ трудомъ поспѣвая за своимъ внукомъ, молодымъ, черноглазымъ мальчикомъ. «Дай хоть духъ-то перевезти. Да и куда-же идемъ мы? Вѣдь ты видишь, что весь народъ бѣжитъ туда, значитъ на берегъ къ Днѣпру.

— «А пусть ихъ бѣгутъ,» отвѣчалъ мальчуганъ; «вѣдь они хотятъ посмотрѣтъ, какъ Царица будетъ садиться на ладьи, да поплыветъ внизъ по Днѣпру. А намъ что смотрѣть на лодки-то, намъ лучше взглянуть поближе на саму Царицу.

— «Такъ, такъ, родненькій, вѣрно слово сказалъ

ты,» говорилъ старый дѣдъ. «Да гдѣ же ты думаешь увидѣть Царицу-то.»

— «А у дворца, когда она будетъ садиться въ свою карету. Вотъ мы встанемъ у подъѣзда; увидишь что такъ-то ладно будетъ.»

— «Ну хорошо, родимый, веди куда знаешь.»

Старикъ и мальчикъ опять торопливо пошли по улицѣ, безпрерывно сталкиваясь съ народомъ, спѣшившимъ въ противоположную сторону, къ Днѣпру. Едва переводя духъ отъ усталости, прибѣжали они ко дворцу, гдѣ по обѣимъ сторонамъ главнаго подъѣзда, разставлены были ряды войска и вереницей стояли экипажи.

— «Вотъ встанемъ здѣсь дѣдушка,» говорилъ мальчикъ, стараясь протѣсниться по-ближе; «здѣсь мы все увидимъ.»

— «Ступайте дальше: здѣсь нельзя стоять,» закричалъ на нихъ полицейскій солдатъ, наблюдавшій за порядкомъ.

— «Родимый, не гони, дай хоть однимъ глазкомъ взглянуть на наше солнышко ясное, Матушку-Царицу, упрашивалъ старикъ. «Вѣдь мы не дѣлаемъ никакого безпорядка.

— «Да ты не видишь, развѣ, гдѣ народъ стоитъ? Ну, и ступай туда».

— «Не увижу я оттудова ничего; старъ ужь я, глаза то больно плохи стали.»

Въ это время на крыльцѣ подъѣзда показалась Императрица Екатерина, весь народъ снялъ шапки и громкимъ крикомъ «ура!» привѣтствовалъ Монархиню.

— «Ступай же старикъ, скорѣе, ступай,» торо-

пилъ полицейскій солдатъ. «Видишь, Государыня уже садится въ свой экипажъ.»

— «Не пойду я отсюда, хоть убей меня на мѣстѣ; «Матушка наша,» кричалъ старикъ, не даютъ намъ и взглянуть на тебя, солнышко ясное.»

Императрица услыхала этотъ умоляющій крикъ старика.

— «Что тебѣ надобно старикъ, спросила она; «пропустите его, пусть онъ подойдетъ ко мнѣ.»

Старикъ подошелъ къ Государынѣ, и молча упалъ предъ нею на колѣни.

— «О чемъ ты просишь, скажи мнѣ теперь и я все постараюсь для тебя сдѣлать,» милостиво говорила Императрица.

— «Я ни очемъ не прошу, матушка Государыня; я хотѣлъ только поглядѣть хоть издалека на тебя, а вотъ Богъ далъ такое счастіе, что я и говорю съ тобою. Ввѣкъ я не забуду этого дня; вѣрь словамъ моимъ, Матушка-Царица.»

— «Такъ ты только затѣмъ и тѣснился сюда?»

— «Только затѣмъ: вѣдь ужъ старъ я Государыня; Господь вѣсть, придется ли въ другой-то разъ видѣть тебя. А какъ же это умиреть, не поглядѣвъ на тебя, надежда наша. Словно бы и косточкамъ то будетъ тогда не спокойно въ сырой землѣ, такъ говорилъ старикъ, отирая слезы, катившіяся у него по щекамъ.

— «А, старъ ты дѣдушка? Сколько тебѣ лѣтъ?» спросила Императрица.

— «Да какъ бы тебѣ правду сказать!» въ раздумьѣ промолвилъ старикъ: это вотъ мой меньшой

внукъ, Степа, а то есть еще у меня старшій внукъ, такъ тому уже двадцать лѣтъ, да сынъ дома остался, сыну-то теперь ужъ почитай что пятьдесятъ лѣтъ, да и женился то я ужь не молоденькимъ, стало быть мнѣ теперь будетъ лѣтъ девяносто, а не то и сто.»

Ласково слушала Императрица простыя и безхитростныя слова старика. Между тѣмъ мальчикъ, внукъ его, держась за рукавъ своего дѣда, съ удивленіемъ глядѣлъ на придворные экипажи и на блестящую свиту Императрицы.

— «Ну, старикъ, хочешь проводить меня до пристани, такъ садись вмѣстѣ съ кучеромъ, да и внука возьми съ собою.»

Старикъ и мальчикъ едва помнили себя отъ неожиданной радости. Кряхтя и съ трудомъ, медленно влезъ старый дѣдъ на сиденьѣ къ кучеру, а внукъ его живо взгромоздился на козлы другой кареты. Экипажи двинулись мимо рядовъ войскъ и толпы народа.

На пристани у Днѣпра, карета Императрицы остановилась. Императрица вышла изъ экипажа; сошелъ и старикъ, и снова со слезами поклонился въ ноги своей Монархини.

— «Встань старикъ,» ласково произнесла Государыня; «теперь ступай домой, съ Богомъ. Я не забуду ни тебя ни твое семейство. Какъ тебя зовутъ?»

— «Ефимъ Бондаренко», отвѣчалъ старый дѣдъ.

— «Ну, прощай старикъ... Григорій Александровичъ, я поручаю вамъ позаботиться объ его семьѣ», продолжала добрая Императрица, обращаясь къ Потемкину.

— «Я исполню въ точности ваше повелѣніе», отвѣчалъ князь Потемкинъ.

Императорскія суда двинулись внизъ по Днѣпру при звукахъ музыки, громѣ выстрѣловъ и восторженныхъ кликахъ народа. Скоро опустѣла широкая пристань; вся толпа народа бросилась внизъ по днѣпровскому берегу, вслѣдъ за уплывающею флотиліею и далеко далеко провожала свою Матушку-Царицу.

Чѣмъ далѣе шествіе Императрицы подвигалось на югъ, къ Крыму, тѣмъ разнообразнѣе и великолѣпнѣе становилась мѣстность. Въ глухой и безлѣсной степи, какъ бы по волшебству, выросли рощи, дороги, обсаженныя деревьями, промежъ которыхъ мелькали красивые одинокіе дома степныхъ поселенцевъ; тянулись цѣлыя села и хутора, сдѣланныя въ видѣ декорацій; на лугахъ паслись стада, оберегаемые празднично-разодѣтыми пастухами и пастушками; тамъ ходили хороводы подъ звуки скрипокъ, флейтъ и барабановъ; въ отдаленіи, гарцовали на степныхъ коняхъ только-что сформированные изъ малоросіянъ, статные и красивые гусары и казаки; мѣстами возвышались тріумфальныя арки съ разными хвалебными надписями.

Чтобы увеличить еще болѣе блескъ этой исторически-знаменитой прогулки, на встрѣчу Императрицѣ выѣхали австрійскій Императоръ Іосифъ II и полькій король Станиславъ-Августъ.

Встрѣча нашей Императрицы съ австрійскимъ императоромъ, путешествовавшимъ подъ именемъ графа Фалькенштейна, предположена была въ Херсонѣ, гдѣ и были сдѣланы всѣ необходимыя для этого торжественнаго случая приготовленія. Но любезный австрійскій

графъ и знаменитый по своему уму, образованію и великодушію императоръ, желалъ поскорѣе встрѣтиться съ великою императрицею и предупредить ея любезность. Едва только императорская галера «Днѣпръ» отплыла отъ Кременчуга, какъ дано было знать, что Іосифъ спѣшитъ черезъ степь на встрѣчу къ Императрицѣ. Галерѣ приказано было бросить якорь и Екатерина II-я въ сопровожденіи двухъ фрейлинъ, графа Румянцева и графа Безбородко помчалась въ каретѣ на встрѣчу австрійскому Императору.

Вдругъ передовой форейторъ замахалъ шапкою и закричалъ: «Шо-съ ййде, шо-съ ййде».—И въ тоже время изъ за угла лѣса, въ полу-верстѣ, на встрѣчу показалась рессорная дорожная коляска, запряженная восьмерикомъ. Лошади неслись въ карьеръ. Это былъ Іосифъ, бросившій свою свиту, и ѣхавшій съ однимъ Потемкинымъ. Экипажи съѣхались среди поля, въ долинѣ (не далеко отъ Кайдина) у гущи вербъ, подъ которыми стояла корчма сосѣдняго казацкаго хутора. Лошади обоихъ экипажей остановились.

Императоръ выскочилъ первый и подоспѣлъ къ откинутымъ подножкамъ кареты, изъ которой выходила Императрица. Они обнялись и нѣсколько минутъ провели въ обычныхъ привѣтствіяхъ. Завидя бѣлую мазанку корчмы и чтобы дать лошадямъ немного вздохнуть, Екатерина предложила остановиться на нѣсколько минутъ. Екатерина и Іосифъ пошли къ избѣ, а свита слѣдовала немного поодаль.

— «И что это за корчма? И чортъ бы ее побралъ»! говорилъ самъ про себя Свѣтлѣйшій, между тѣмъ, самъ

не зная куда, шелъ за вѣнценосными странниками: «ну, ожидалъ ли я, что они тутъ встрѣтятся?»

— «Ваше Величество, пожалуйте!» сказалъ Свѣтлѣйшій, отворяя дверь корчмы и ступая туда за ними, какъ давно знакомый и съ этимъ мѣстомъ и съ самой корчмой, между тѣмъ, какъ глаза его, напряженно и не безъ страха, слѣдили изъ за спины гостей за всѣмъ что представлялось имъ при входѣ въ комнату. Чистыя лавки шли вдоль стѣнъ. Образа въ главномъ углу были уставлены сухими вѣтвями. Лампадка теплилась передъ иконою Николая Чудотворца, праздникъ котораго, 9 мая былъ черезъ два дня. Двухлѣтній ребенокъ сидѣлъ у самаго порога комнаты на полу и деревянною ложкою колотилъ, что есть мочи, по головѣ подслѣповатаго котенка. Рябая курица вышла изъ подъ лавки къ печкѣ, при чемъ, на только что подметенномъ и усыпанномъ полу, оставила рядъ крестиковъ отъ своихъ осторожныхъ лапокъ и клевала съ припечка, изъ деревянной миски покрытой полотенцемъ, пшенную кашу, припасенную на ужинъ. Не видя хозяевъ, Екатерина обратилась къ Потемкину:

— «Вѣроятно, здѣшняя хозяйка ушла на работу или на базаръ?» и обращаясь къ Іосифу, прибавила: —«Не могу не замѣтить вамъ, графъ, удивительный здѣсь народъ; простота изумительная! Вотъ тутъ, напримѣръ: весь домъ оставленъ на руки двухъ или полуторалѣтняго ребенка»!

— «И еще — корчма! шинокъ!» прибавилъ почтительно Безбородко: «шинокъ, гдѣ продается вино! вотъ и бочка! А вѣдь никто и не тронетъ»!

— «Это потому, Ваше Величество, замѣтилъ графъ

Фалькенштейнъ, что все здѣшнее народонаселеніе ушло въ надеждѣ увидѣть у Днѣпра свою Императрицу».

Императрица ласково протянула руку Іосифу, который ее поцѣловалъ, и съ улыбкою попросила его сѣсть. Потемкинъ, Румянцевъ, Безбородко, Шуваловъ и всѣ, изъ свиты Екатерины и Іосифа, почтительно стали у дверей.

— «Чѣмъ далѣе, Ваше Величество», началъ Іосифъ, «тѣмъ болѣе я изумляюсь».

— «Да», подхватила весело Екатерина, указывая на Потемкина, и глаза ея сверкнули счастіемъ и самодовольною гордостью: «хорошо видѣть эти мѣста своими глазами! Враги князя все употребляли, чтобы очернить его передо мною и передъ свѣтомъ. Намъ сказали, что наѣдемъ на жары, несносные для человѣка, а мы наѣхали на воздухъ теплый и вѣтеръ свѣжій, пріятный и самый весенній! Степь, правда, что безлѣсная и почиталась безводною, а мы, однако, видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ и поселеній уже не въ маломъ числѣ! Польза заведеній въ началѣ не всегда доступна понятію множества. Санктпетербургская губернія даетъ осьмую часть доходовъ всей Имперіи; она существуетъ восемьдесятъ четыре года, и Дворъ тамъ имѣетъ свое пребываніе. Посмотримъ, каковы будутъ доходы здѣшняго, приморскаго порта черезъ короткое время».

— «Да», возразилъ графъ Фалькенштейнъ, играя кистью своего плаща: «у князя Потемкина много враговъ, но еще болѣе друзей»!

Вслѣдъ за тѣмъ разговоръ перешолъ къ иностранной политикѣ и къ Туркамъ. Императрица не замѣтила,

какъ провела болѣе двухъ съ половиною часовъ. Желудки путниковъ поотощали. Первый нашелся Безбородко и шепнулъ два слова Потемкину. Князь засуетился. Екатерина какъ-бы угадала его мысли.

— «Графъ», обратилась она къ Фалькенштейну: «передъ отъѣздомъ къ галерамъ, не закусить ли намъ чего нибудь»?

— «Какъ угодно»!

— «Но есть-ли у насъ что съ собою?» спросила Екатерина.

Кинулись къ экипажамъ. Оказалось, что въ попыхахъ забыли взять съ собою придворную кухню Императрицы. Въ коляскѣ же графа Фалькенштейна нашли только недопитую, плоскую и широкую бутылку стараго венгерскаго, да краюшку сухаго хлѣба, которымъ графъ, на станціяхъ, охотникъ до лошадей всякаго рода, кормилъ изъ своихъ рукъ обывательскихъ коней.

— «А далеко ли до Днѣпра? сколько мы отъѣхали?» спросила Екатерина.

— «Верстъ тридцать, Ваше Величество! Кажется не меньше будетъ!» отвѣчалъ Потемкинъ: «ѣхать тяжело и лошади устали; но не худо бы сейчасъ и продолжать путь!»...

Іосифъ призадумался; ему очевидно хотѣлось хоть что нибудь перекусить и заморить начинавшійся голодъ.

— «Да неужели тутъ нѣтъ чего нибудь, хоть самаго простаго?» начала Екатерина! «ну, масла, куръ, яицъ, сметаны?»...

— «Трудно достать»! подтвердилъ Свѣтлѣйшій: «мѣсто глухое и всѣ теперь въ полѣ, на работѣ! Да

верстъ на десять тутъ и поселка не найдешь... Вѣдь это, Ваше Величество, уже почти Запорожье»...

Тутъ нашелся Безбородко.

— «А що, Ваше Сіятельство?» мы и такъ нагодуемъ*) нашу Царицю! Гайда! Ось побачьте лишень»**).

И, подвязавши подъ мышки носовой платокъ въ видѣ фартуха, онъ открылъ трубу, наложилъ въ печку щепокъ, вздулъ огонь, поставилъ на треногъ сковороду; очень ловко угадалъ, что подъ лавкою, въ горшкѣ съ золою, должны быть яйца, выпустилъ ихъ дюжину на сковороду, и яичница зашипѣла въ огнѣ. Румянцевъ и Шуваловъ отъ него не отставали: они нашли гдѣ-то крынку масла, съ чердака стащили провѣшенный въ душникѣ свѣжій окорокъ, достали въ клѣтушкѣ, въ сѣняхъ, два кувшина молока, и все это уставили на столъ. Примѣръ увлекъ всѣхъ. Фрейлины чистили и поджаривали окорокъ на вертелѣ, устроенномъ изъ деревянныхъ щепочекъ, Іосифъ снималъ съ молока изъ кувшиновъ на миску сливки. Самъ Потемкинъ, мысленно посылалъ къ чорту всякія дорожныя приключенія. Въ чулкахъ и башмакахъ, закинувъ полы шитаго золотомъ кафтана, онъ не отставалъ отъ новичковъ поваровъ и стряпухъ: онъ засучилъ рукава, съ бловдовыми манжетами, и перемывалъ и перетиралъ для царскаго завтрака глиняныя миски и деревянныя тарелки шинкаря.

Пока завтракъ готовился, показался въ открытыхъ дверяхъ старикашка, согнутый, съ краснымъ носомъ и съ жиденькимъ бѣлымъ пухомъ на головѣ, около ушей

*) Нагадуемъ—накормимъ.

**) Эге, вотъ увидите-ка.

и подъ носомъ. Онъ остановился на порогѣ, поглядѣлъ на всю компанію и засмѣялся сиплымъ, дряхлымъ голосомъ. Всѣ замолчали и пріостановили свои занятія и, съ любопытствомъ устремили на него глаза.

— «А що, паны,» началъ старичекъ, очевидно бывшій слегка на веселѣ; «ходилъ я на Царицю подивиться. *) Та ба! Ничего не видалъ... Нѣту, уже-поза-вчера проѣхала!»

— «Ты шинкарь?» спросила Екатерина.

— «Шинкарь, пани-матко, шинкарь! А вы зъ Мирной, чи зъ Кременчука?»

— «Изъ Кременчуга, изъ Кременчуга?» отвѣтила Екатерина, съ улыбкою, втайнѣ радуясь что ее не узнали.

Глаза Свѣтлѣйшаго такъ и впивались въ красноватые, разбѣгавшіеся глаза старика.

— «А что давно-ли ты здѣсь шинкуешь? спросила Императрица.

— Да какъ Пугача еще ловили, то я внука на войну снарядилъ, а самъ тутъ сѣлъ; вотъ съ какого года считайте!»

— «А сынъ у тебя есть?» продолжала Екатерина.

— «Былъ, да уже сорокъ два года, какъ умеръ!»

— «Который же годъ, дѣдушка, тебѣ самому?»

— «Какой годъ, какой годъ?» подхватилъ старикъ улыбаясь: «а вотъ какой! Девяносто восьмой годъ, говорятъ! Я еще и Шведа не забылъ, какъ подъ Полтавою бился, да и царя Петра Алексѣевича видѣлъ..»

Имя Петра Перваго возбудило вниманіе. Всѣ уди-

*) Подивиться-посмотрѣть.

вились и тѣсно сдвинулись къ старику. Потемкинъ подошелъ къ нему, ободрилъ его, даже съ улыбкою благосклонно потрепалъ его по плечу.

— «Говори, говори, старикъ! какъ тебя звать?» спросила Екатерина.

Старикъ кашлянулъ, вынулъ изъ-за пазухи клѣтчатый платокъ и утерся.

— «Постойте, добродію, что то утомился, сяду немного, потому что ходилъ пѣшкомъ до Днѣпра на царицу посмотрѣть. Да уже проѣхала! А я скажу вамъ царя Петра Алексѣевича видѣлъ и говорилъ я съ нимъ какъ уже погнали шведа до Переволочной, и мы панахиду служили! Зовутъ меня Грицко Галайда; выпить я хочу.... Нѣтъ-ли у васъ, господа, горѣлки? Моя Хвеска гдѣ-то запропастилась; а ключь у нея, и мнѣ не даетъ, хоть горѣлка моя!»

— «Кто же это Феська?» спросилъ Безбородко.

— «А моя наймичка! Она горѣлку мою продаетъ да меня доглядаетъ, а я уже не осилю; только что кулишъ *) ѣмъ, да Богу молюся! Хорошая дѣвка, да шкодлива: отъ москалей не отобьешся!»

Старика усадили.

— «Такъ какъ же», спрашивала его Екатерина: «какъ ты дѣдушка видѣлъ царя Петра?»

Беззубый Грицко потребовалъ вторично водки, выпилъ, потомъ попросилъ у Шувалова табаку изъ табакерки, замѣтя что тотъ, изъ за спины другихъ, нюхаетъ, понюхалъ, крякнулъ и началъ говорить. Графъ Безбородко переводилъ его слова.

---

*) Кулишъ— пшонная похлебка съ саломъ—лакомое блюдо всѣхъ малоросовъ.

— Былъ я пани-матко моя, началъ Грицко; былъ я, голубочко, паночко моя, тогда казакомъ и служилъ у Мазепы въ войскѣ; только ему не передавался и царю не измѣнялъ. Какъ наступалъ на насъ Шведъ, а меня поставили съ алебардою и пищаль въ руки дали. Только туда сюда глядь, ажъ велятъ бить москалей и Шведу передаться. Не передались мы и пошли ватагою до лагеря. Тутъ палятъ изъ пушекъ, а мы поѣли хлѣба съ солью, да и сами давай палить. Послѣ насъ перевели за Ворсклу, чрезъ Лыкощинъ бродъ. А тутъ уже и самъ царь былъ. Какъ стали стрѣлять, смотримъ— бѣгутъ русскіе, а тутъ и Шведы побѣжали. Вотъ такъ стоитъ царь, да въ трубу смотритъ, а такъ редутъ стоитъ, а тутъ палатки... Ну, и побили мы ихъ! да въ Переволочной и перотопили. Слышимъ: зовутъ на панахиду! Пришли мы; а тутъ навалено, и Боже упаси! Чугунъ, ядра и кони. А близъ и царь стоитъ: такой на немъ кафтанъ, и сапоги съ раструбами, и шпага. Попы поютъ канонъ и крестъ высокій такой на могилѣ ставятъ; а онъ поднялъ икону,—что Шведъ,-антихристъ въ поруганіе расписалъ на шашечную доску и въ лагерѣ своемъ въ шашки на ней игралъ,— прослезился и при всемъ народѣ поцѣловалъ, а послѣ на освѣщеніе отдалъ. Какъ сошелъ съ могилы, генералы окружили его, а онъ къ намъ. Обходитъ ряды. То съ тѣмъ то съ другимъ изъ насъ поговоритъ. А мы казаки уже такъ и ждемъ, что станутъ насъ перебирать. Объ Мазепѣ говорилъ; «онъ, говоритъ уже въ Турецкую землю убѣжалъ, и мы, говоритъ его оттуда вызловимъ.» Сталъ наискосокъ, такъ противъ меня, да и крутитъ усъ. «Ты говоритъ, румяный откуда.» А

я былъ, какъ макъ румяный, и рослый, да сильный.— «Изъ Койдакивъ, говорю, Ваше Царское Величество!— «Убилъ же ты хоть одного Шведа? спрашиваетъ».— «Семерыхъ, говорю, убилъ, да упалъ: а одинъ проклятый шведъ безъ сабли былъ, повалилъ меня сзади, да платокъ изъ кармана вынулъ и удралъ опять. Такъ загулящій народъ! Только бабъ нашихъ обнжаютъ!»— Усмѣхнулся онъ, постоялъ и говоритъ тому генералу, что выше да толще другихъ былъ и ближе къ нему стоялъ: вотъ этотъ, говоритъ, румяный и вправду сказалъ, что шведы дрянный и загулящій народъ. Мы баталію хорошую одержали!»—А тутъ уже послѣ панахиды насъ и распустили по домамъ: кто куда хотѣлъ, туда и шелъ! И долго мы поминали Царя»...

Этимъ разсказомъ не кончилось. Императрица со многими вопросами обращалась къ старику распрашивала его о видѣнномъ имъ и внимательно вслушивалась въ его слова.

Въ умѣ Потемкина, между тѣмъ, зрѣла другая мысль. Онъ не хотѣлъ даромъ пропустить и этой случайной встрѣчи въ степи съ бывшемъ свидѣтелемъ полтавской битвы. Обратясь къ Императрицѣ, онъ сказалъ:

— «Ваше Величество! на обратномъ пути изъ Крыма въ Полтаву, я намѣренъ представить вамъ зрѣлище, Матери Отечества и мудрыя царицы достойное: именно маневры воинскіе, гдѣ бы два разные лагеря представили на дѣлѣ примѣрно полный бой блаженной памяти, Императора Петра Великаго съ Карломъ XII, и для вящей вѣрности въ расположеніи войскъ и хода боя, возьму этого старика. Ему совершенно можно по-

вѣрить, и онъ все отлично разскажетъ по памяти!»

Сказано и сдѣлано.

Отъ старика, наконецъ, болѣе не хотѣли скрывать, кто передъ нимъ былъ. Онъ нѣсколько мгновенiй не могъ найтись и оставался въ совершенномъ столбнякѣ. Потомъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ: «Мамо Царица, помилуй!»

Императрица милостиво сама подняла его, снова обласкала, поручила его графу Безбородко и спросила у старика.

— «Ну дѣдушка; скажи же ты мнѣ, чего ты желаешь? Все, что скажешь исполню! Говори! не робей»....

Провожая Императрицу, старикъ остановился на порогѣ, сложилъ и опустилъ руки, взглянулъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились, и задумался. Хмѣль его прошелъ...

— «Ваше Царское Величество! сказалъ онъ: коли просить такъ вотъ чего я попрошу. Дайте мнѣ грошей, денегъ двадцать рублей мнѣ нужно! Есть у меня племянникъ—полюбилъ дѣвку и посватался; а батько ее не отдалъ за тѣмъ, что бѣдный онъ, ну, онъ и продался въ рекруты, нанялся, выходитъ за мѣщанина одного за 20 рублей,—ну и гуляетъ теперь! Такъ коли бы его избавить отъ солдатчины, пропитыя деньги мѣщанину возвратить, а его жинить. Вотъ бы мнѣ подмога и была... Да и жаль его: малюетъ, вотъ какъ малюетъ всякiя картины, что поискать! Въ Борисовкѣ учился и совсѣмъ вышелъ маляръ: еще и въ Переяславѣ въ ученьи, въ бурсѣ былъ! Совсѣмъ грамотный!

— «Гдѣ же твой племянникъ? спросила Екатерина; я полагаю ему уже лобъ забрили теперь?»

— «Ни мало! Срокъ еще до завтра; а онъ въ Мирномъ, тутъ не по далеку, на ярморкѣ, съ своимъ наемщикомъ гуляетъ»...

Императрица обратилась снова къ графу Безбородко, поручила судьбу старика и его племянника, назначила сумму на выкупъ изъ рекрутъ и на свадьбу послѣдняго, и уѣхала снова на Днѣпръ, къ своимъ галерамъ, съ графомъ Фалькештейномъ.

И вотъ, старый Грицко, котораго уже и Потемкинъ не желалъ упустить изъ виду, очутился въ раззолоченной каретѣ и съ графомъ Безбородко понесся на ярмарку въ Мирное. Графъ, пользуясь тѣмъ, что Императрица должна была переждать нѣсколько времени въ Койдакахъ и потомъ спуститься ниже, для заложенія города Екатеринослава, и чтобы лично угодить ей, самъ поѣхалъ устроить судьбу племянника старика.

Замѣчательно было впечатлѣніе ярморочнаго люда, когда золотая карета въѣхала на торгъ, и изъ кареты стали видны: важный панъ, въ шелкѣ и въ бархатѣ, и старый дѣдъ, въ онучахъ и въ свиткѣ. Кинулись искать новаго рекрута, и не долго нужно было его искать: онъ отыскался тутъ же, подъ горою, и явился къ каретѣ, какъ былъ, съ музыкантами и съ толпою народа, вездѣ ходившаго за нимъ слѣдомъ. Новому рекруту оставалось докучивать еще одинъ день.

По мѣстному обычаю, сохранненному и донынѣ, Боровиковскій, (такъ звали племянника стараго Галайды), еще съ утра обвѣшался лентами и платками, взялъ музыкантовъ, которыхъ бралъ ежедневно во всю вы-

говоренную съ хозяиномъ недѣлю, и пошелъ на торгъ. Хозяинъ, долженъ былъ по уговору исполнять малѣйшее желаніе своего рекрута. А по условію положено было: ему, Боровиковскому — казаку и ремесломъ маляру, идти волею въ рекруты за мѣщанина; а мѣщанину за это дать ему двадцать рублей денегъ, да горѣлки вдоволь на цѣлую недѣлю и цѣлую недѣлю выполнять каждое его желаніе. И вымѣщалъ же за это Боровиковскій какъ и всякій, продавшійся въ рекруты, за потерю свободы! Чего онъ только не придумывалъ, въ простотѣ своей, въ эту буйную недѣлю! Напримѣръ, въ первый же день онъ напился до омертвѣнія, легъ среди улицы, приказалъ прикатить боченокъ водки и собравшейся толпѣ кричалъ: «пейте! всѣ пейте»! Всѣ пили, а хозяинъ не смѣлъ отказывать въ этомъ. Воспользовавшись ярмаркой, онъ водилъ гурьбу народа за собой. Подплясывая подъ музыку, также взятую на счетъ хозяина, онъ хваталъ съ купеческихъ прилавковъ шелковые и нитяные платки, серги, ленты и гранаты, кричалъ: «нате, это вамъ; люди добрые! берите»! и швырялъ ихъ горстями въ народъ, а хозяинъ, молча, расплачивался. Остановясь передъ бочкой съ дегтемъ; онъ кричалъ хозяину: «*мажь, всьмъ*»! Всѣ подставляли ноги, купецъ мазалъ кому сапоги, кому башмаки, а хозяинъ снова безмолвно за все расплачивался. А попробуй онъ не заплатить! Продающійся имѣлъ тогда право тотчасъ отказаться идти въ рекруты за хозяина, и всѣ угощенія и данная сумма пропадали безвозвратно. Подъѣхавши къ торгу, Безбородко остановился противъ любопытной гурьбы съ рекрутомъ.

— Ты наемщикъ въ рекруты? ты Боровиковскій?

спросилъ онъ, вглядываясь въ забулдыгу, который уже не могъ танцовать, но все еще переминался подъ хоръ музыки на мѣстѣ.

— «Я Боровик... Боровиковскій»!

— «Ну, Боровиковскій, готовся же. Меня послала Царица! Бросай своего хозяина. Вотъ деньги за тебя и за все, чтобы расплатиться».

Изумленіе мѣщанина было невыразимо; онъ вытаращилъ глаза и, дрожа всѣмъ тѣломъ, лепеталъ: «За что же, помилуйте, не погубите»!

— «А тебя, сказалъ Безбородко съ улыбкой: — я прощаю за противный законамъ подкупъ! Только, чтобы загладить вину противъ Царицы, за нехотѣніе служить, ты долженъ сейчасъ же поступить на службу. Вотъ твои деньги»!

Мѣщанинъ взялъ сто рублей и довольный тѣмъ, что получилъ въ пятеро больше, чѣмъ задолжалъ ему его рекрутъ, на другой же день самъ сдался въ солдаты.

Боровиковскій, проспался къ утру и не вѣрилъ глазамъ. Онъ уже былъ дома. Дидусь «Галайда», зажегши свѣчку у образовъ и закуривши ладанъ въ ручной курильницѣ, молился. Хвеська, стоя у дверей, плакала. Когда дѣдъ удостоилъ вертопраха заговорить съ нимъ, первымъ дѣломъ его было достать изъ огромнаго сундука завязанныя въ холстѣ деньги. Царица дала на свадьбу Боровиковскому особо сто рублей. А это была, въ тѣ годы, почти баснословная сумма для простолюдина въ Украйнѣ, да и вездѣ. »Молодой маляръ, еще вчера рекрутъ, не выдержалъ, упалъ на колѣни передъ образомъ, и залился слезами, цѣлуя царскія деньги. «Господи Боже! за что такія милости». А тебѣ дидусю,

вотъ какое спасибо»! И онъ поклонился ему въ землю. Старику и маляру велѣно было немедленно снаряжаться и ѣхать на царской подводѣ въ Полтаву.

На возвратномъ пути изъ Крыма, Императрица подъ Полтавою смотрѣла неслыханные и невиданные дотолѣ маневры, гдѣ былъ представленъ примѣрный бой Русскихъ со Шведами. Маневры эти были устроены по указаніямъ стараго Галайды. Конечно, онъ не могъ помнить подробнаго расположенія частей войскъ и хода боя. За то съ невыразимою ясностью онъ помнилъ главныя черты побоища, и самое важное — могъ указать, гдѣ стоялъ въ такое-то время, гдѣ скакалъ и гдѣ распоряжался самъ Царь. «Вотъ тутъ онъ глядѣлъ на Шведовъ! А тутъ понесся къ пушкамъ! А тамъ погналъ уже враговъ вовсе съ поля»!

Боровиковскому же пришлось также отличиться.

Полтавское дворянство, въ самомъ городѣ, выстроило залъ, для встрѣчи Императрицы. Маршалу (предводителю) его, кто-то шепнулъ о происшествіи близь Койдакъ и о любопытной судьбѣ маляра племянника старика, руководившаго приготовленіемъ царскихъ маневровъ. Онъ призвалъ маляра.

— «Можешь расписать царскій залъ»?

— «Могу».

— «А какъ соврешь»?

— «Нѣтъ, убей Богъ, не совру».

— «Ну, смотри же! Вотъ тебѣ краски и кисти, малюй, да берегись! Испакостишь дѣло,—дамъ тебѣ двѣсти батоговъ въ спину»...

Боровиковскій принялся за работу и изумилъ всѣхъ.

Когда Императрица въѣхала въ Полтаву и вошла въ

дворянскій залъ, четыре картины на четырехъ стѣнахъ представились ея глазамъ.

На одной изображенъ былъ, во весь ростъ, Петръ Великій, въ видѣ плугатаря, пахавшаго тяжелымъ плугомъ пустынную, заросшую терніемъ и бурьянами почву Россіи.

На противуположной стѣнѣ изображена была Екатерина Вторая, въ видѣ сѣятеля, бросавшаго, изъ лукошка бывшаго на плечѣ, сѣмена въ эту разрыхленную уже почву.

На третьей стѣнѣ изображалась опять Екатерина, съ перомъ въ рукѣ и со вдохновенно откинутою головою, надъ своимъ знаменитымъ Наказомъ, о составленіи проэкта новаго уложенія.

На четвертой: семь греческихъ мудрецовъ, въ разныхъ положеніяхъ, изумленные пользою этаго Наказа...

Дальнѣйшая судьба Галайды не извѣстна. Боровиковскій же получилъ ходъ, и въ послѣдствіи прославился въ Петербургѣ своими работами по церковной живописи и считается до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ старинныхъ художниковъ.

Еще далеко не доѣзжая города Тулы, Императрица Екатерина послала впередъ приказъ намѣстнику Тулы составить докладную записку о благосостояніи губерніи и о рыночныхъ цѣнахъ на всѣ жизненныя потребности.

Намѣстникъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, получивъ Высочайшій приказъ объ этомъ, приказалъ правителю канцеляріи своей, Веницееву, составить по сему къ слѣдующему дню докладную записку для поданія Императрицѣ.

Семенъ Никифоровичъ Веницеевъ,—такъ звали правителя канцеляріи намѣстника, былъ весьма способный чиновникъ и имѣлъ превосходную память. Вѣрный взглядъ на вещи, знаніе своего дѣла, удивляли самыхъ опытныхъ его сослуживцевъ, и въ сомнительныхъ случаяхъ они всегда обращались къ нему за совѣтомъ. Выслушавъ приказаніе своего строгаго начальника, весьма уважавшаго его, Веницеевъ отправился домой, чтобы на просторѣ исполнить данное ему приказаніе; но убѣдительныя просьбы искреннихъ друзей, приглашавшихъ Веницеева на вечеръ, увлекли его въ шумную и веселую бесѣду пріятелей, гдѣ онъ и провелъ всю ночь. Раннимъ утромъ его потребовалъ намѣстникъ къ себѣ. Веницеевъ явился къ начальнику, уже занимавшемуся дѣломъ.

— «Готова ли докладная записка? спросилъ его Кречетниковъ.

— «Готова, ваше превосходительство, смѣло отвѣчалъ Веницеевъ.

— «Ну, такъ читайте!

Повинуясь этимъ словамъ, правитель канцеляріи спокойно вынулъ изъ боковаго кармана своего мундира нѣсколько листовъ бумаги, развернулъ ихъ и началъ читать....

— «Прекрасно, прекрасно, замѣтилъ намѣстникъ, обращаясь къ Веницееву, когда онъ кончилъ чтеніе. Теперь стоитъ только подписать, прибавилъ начальникъ, протягивая руку къ бумагѣ....

Веницеевъ медлилъ обнаружить истину.

— «Подайте же, я подпишу, у меня пропасть дѣлъ, сказалъ Кречетниковъ съ неудовольствіемъ.

— «Виноватъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ правитель канцеляріи, подавая ему бѣлые листы бумаги: я читалъ то, что еще не написано.... виноватъ!

— «Какъ! вы осмѣлились не исполнить моего приказанія? съ гнѣвомъ вскричалъ Кречетниковъ. Императрица прибудетъ въ Тулу сегодня къ обѣду, а у васъ не написанъ еще и докладъ? Вы, сударь....

И разграженный начальникъ, въ пылу справедливаго негодованія хтѣлъ было назвать своего подчиненнаго какимъ-то обиднымъ именемъ, но смягчивъ жестокое выраженіе, прибавилъ:

— Нерадивы къ вашей обязанности, невнимательны къ моимъ приказаніямъ...

— Прошу одного снисхожденія: позвольте мнѣ выполнить вчерашнее приказаніе въ присутствіи вашего превосходительства....

— Поздно, сударь, поздно, вы все бражничаете....

— Осмѣливаюсь увѣрить, ваше превосходительство....

— Меня не въ чемъ увѣрять, когда я знаю, что вы всю ночь не были дома, что вы находились въ кругу вашихъ пріятелей....

Кречетниковъ былъ дѣятельнымъ, строгимъ намѣстникомъ, но добрымъ и всегда снисходительнымъ. Ошибки и недоразумѣнія онъ легко извинялъ, но неисполненіе личнаго его приказанія влекло за собой опасныя слѣдствія на виновныхъ. Раздраженный, онъ строго посмотрѣлъ на Веницеева и сказалъ:

— Что жъ теперь намъ дѣлать сударь?

— Еще успѣемъ, отвѣчалъ Веницеевъ.

— Это невозможно! говорилъ намѣстникъ, посмотрѣвъ на часы.

— Честію ручаюсь, ваше превосходительство, что все будетъ готово, возразилъ правитель канцеляріи.

— Хорошо, отвѣчалъ намѣстникъ, садитесь же здѣсь и работайте.

Веницеевъ сѣлъ къ письменному столу, положилъ возлѣ себя извѣстное дѣло, принесенное изъ канцеляріи, и едва ли не въ часъ написалъ то, что стоило бы другому большихъ трудовъ и не малаго времени.

— Въ такомъ случаѣ я васъ прощаю, сказалъ успокоенный Кречетниковъ, подписывая докладную записку.

Захвативъ съ собой бумаги и докладную записку, Кречетниковъ поѣхалъ ждать прибытія Императрицы. Съ самой зари того незабвеннаго дня, въ который ждали прибытія Императрицы, все уже поднялось на ноги и всѣ спѣшили на кіевскую улицу, чтобы занять лучшее мѣсто. Множество дворянъ и простолюдинъ съѣхались въ Тулу изъ окрестныхъ губерній: Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Калужской, чтобы видѣть любимую Государыню, поклониться ей и, если можно, сказать: «Матушка! мы Твои вѣрные подданные, любимъ, обожаемъ Тебя и благословляемъ судьбу, благодаримъ Бога, что мы Русскіе». Толпы народа двигались и стояли по Кіевской улицѣ: многіе помѣстились на крышахъ домовъ, у открытыхъ окошекъ, на заборахъ и гдѣ только возможно было сидѣть. Всѣ говорили объ одномъ, всѣ воодушевлялись одною мыслію, однимъ желаніемъ, скорѣе увидѣть Матушку-Царицу. Кречетниковъ ѣздилъ верхомъ по Кіевской улицѣ, отдавая приказанія. День былъ ясный. Уже солнце под-

ходило къ полудню, а Царицы все еще не было. «Да скоро ли ты, наша родная, къ намъ пожалуешь», говорили многіе, и всѣ смотрѣли туда, откуда ждали пріѣзда Царицы.... И вотъ, въ исходѣ перваго часа громъ артиллеріи, бѣглый ружейный огонь, звонъ колоколовъ и отдаленное «ура!» раздались и потрясли воздухъ. Жители радостно повторяли: «Матушка ѣдетъ! Матушка ѣдетъ!» и Императрица въ золотой каретѣ быстро въѣхала въ городъ. Намѣстникъ и губернаторъ, оба верхами, скакали первый по лѣвую, а второй по правую сторону кареты. Кромѣ военныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, цѣлый эскадронъ драгунъ конвоировалъ Великую, а вслѣдъ за ней тянулись длинною вереницею придворные экипажи. Августѣйшая Монархиня, привѣтливо раскланивалась на всѣ стороны народу, который оглашалъ воздухъ радостными кликами. По пріѣздѣ во дворецъ, намѣстникъ Кречетниковъ отрапортовалъ, что было нужно на словахъ, и подалъ докладную записку—о благосостояніи губерніи. Императрица, прочитавъ записку, осталась очень довольна тѣмъ, что она хорошо составлена, и пожелала знать имя и фамилію писавшаго. Намѣстникъ назвалъ Веницеева и Государыня приказала явиться ему во дворецъ. Каковы были чувства Веницеева и его восхищеніе, когда онъ услыхалъ изъ устъ повелительницы милліоновъ людей слѣдующія слова:

— Докладъ вашъ я прочитала съ особеннымъ удовольствіемъ.

Сказавъ это, Императрица сама изволила пожаловать Веницееву золотую табакерку, наполненную червонцами.

Когда окончился пріемъ и представленіе Тульскихъ губернскихъ и уѣздныхъ властей, Государыня благоволила подойти къ открытому окну дворца, около котораго толпился народъ, и привѣтствовала его поклономъ. Народъ, увидѣвъ Самодержавную, вмѣсто отвѣта, грянулъ свое любимое: «ура!» Но стоявшіе позади Государыни, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и оберъ-камергеръ Шуваловъ, дали знакъ рукою, и все замолкло. Государыня вторично поклонилась народу и довольно громко сказала: «Здравствуйте, дѣти!»

Тогда восклицаніямъ не было конца, многіе упали на колѣни, и у каждаго прошибла отъ радости горячая слеза. Побывъ нѣсколько времени у открытаго окна, Императрица, утомленная отъ путешествія, пошла отдыхать. Устроенное народное празднество продолжалось всю ночь.

Тотъ годъ, въ который Императрица Екатерина посѣтила Тулу, былъ неурожайный. Цѣны на хлѣбъ стояли высокія, и всѣ страшились голода. Правда, народъ не ропталъ, хотя уже терпѣлъ недостатокъ въ хлѣбѣ. М. Н. Кречетниковъ, чтобы не огорчить Государыню такою неутѣшительною вѣстью, осмѣлился скрыть отъ нея неурожай въ Тульской губерніи, и въ своемъ докладѣ объяснилъ о многомъ несогласно съ тѣмъ, какъ было на самомъ дѣлѣ. Съ тою же цѣлію, чтобъ убѣдить Государыню въ довольствіи крестьянъ, Кречетниковъ собралъ на время проѣзда Государыни со всего уѣзда цѣлыя стада скота и цѣлые табуны лошадей, которые и паслись на сѣнокосныхъ лугахъ, лежащихъ при дорогахъ. Поселянамъ Тульской губерніи, живущимъ по большому тракту, приказано было, когда по-

ѣдетъ Государыня, встрѣчать ее въ праздничной одеждѣ. Приказаніе было исполнено: Когда Императрица, подъѣзжая къ Тулѣ, повсюду видѣла многочисленныя стада, избы окрашенныя, чистоту, порядокъ и довольство поселянъ, встрѣчающихъ Ея Величество съ хлѣбомъ-солью, съ веселыми лицами и съ громкими восклицаніями, то замѣтила о томъ гофмейстеру Безбородко, а принцъ де-Линь и Сегюръ, находившіеся въ Ея свитѣ, въ званіи министровъ иностранныхъ Дворовъ, замѣтили это самой Императрицѣ. Прибывъ въ Тулу и прочитавъ докладъ намѣстника, она изъявила ему свое удовольствіе и сказала: «Спасибо вамъ, Михаилъ Никитичъ: я нашла въ Тульской губерніи то, что желала бы найти въ другихъ губерніяхъ». Иванъ Александровичъ Заборовскій, гражданскій губернаторъ города Тулы, получилъ не менѣе лестное благоволеніе Великой. Въ такомъ-то настроеніи находились Императрица и ея приближенные, какъ одно обстоятельство навлекло неудовольствіе Государыни на Кречетникова.

На другой день пребыванія своего въ Тулѣ, Государыня увидѣла изъ окошка своей комнаты Льва Александровича Нарышкина, который несъ на плечѣ ковригу ржанаго хлѣба, воткнувъ въ нее трость свою, а въ рукѣ двухъ живыхъ утокъ, также купленныхъ имъ на рынкѣ. Изумленная нѣсколько этою странностію, Императрица приказала дежурному каммеръ-юнкеру графу Головкину позвать къ себѣ Нарышкина. Лишь только онъ вошелъ въ кабинетъ съ обременительною своею ношею, удивленная государыня съ улыбкой спросила его:

— Что все это значитъ, Левъ Александровичъ?

Нарышкинъ, преспокойно положивъ на столъ свою покупку, отвѣчалъ:

— Я принесъ Вашему Величеству Тульскій ржаной хлѣбъ, да двухъ утокъ, которыхъ Ваше Величество весьма жалуете....

Подозрѣвая въ такомъ подаркѣ какую нибудь новую шутку своего оберъ-шталмейстера, Государыня вторично спросила:

— А по какой цѣнѣ за фунтъ вы купили этотъ хлѣбъ?

Левъ Александровичъ доложилъ Государынѣ, что за каждый фунтъ печенаго ржанаго хлѣба онъ заплатилъ по четыре копѣйки. Императрица бросила проницательный взглядъ на Нарышкина, взглядъ исполненный величія и недовѣрчивости, и возразила:

— Быть не можетъ! Это цѣна неслыханная. Напротивъ, мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ не дороже одной копѣйки мѣдью....

— Нѣтъ, Государыня, это не правда: вамъ донесли ложно. Я самъ покупалъ на торгу хлѣбъ и знаю ему цѣну, отвѣчалъ Нарышкинъ, низко кланяясь.

— Удивляюсь, продолжала Императрица, какъ же меня увѣрили, что въ здѣшней губерніи былъ обильный урожай въ прошломъ году?

— Нынѣшняя жатва можетъ и будетъ удовлетворительна, Ваше Величество, а теперь, пока, голодно, замѣтилъ Нарышкинъ.

Государыня вторично посмотрѣла на него пристально, протянула руку къ столу, у котораго сидѣла, взяла писанный листокъ бумаги, и молча подала своему оберъ-шталмейстеру. Взглянувъ въ бумагу, Нарышкинъ

сказалъ, не перемѣняя своего почтительнаго положенія?

— Можетъ быть это ошибка, Ваше Величество....

И онъ сложивъ бумагу, на которой былъ написанъ рапортъ Кречетникова, положилъ ее обратно на письменный столъ.

Екатерина, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказала:

— Михайло Никитичъ меня обманулъ.

Утреннее извѣстіе, сообщенное оберъ-шталмейстеромъ, разстроило Государыню, она справедливо негодовала и въ то же время сожалѣла о человѣкѣ, преданномъ ей душою, но который заслуживалъ строгаго выговора; однакожъ, когда Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ пріѣхалъ во дворецъ и представился Императрицѣ, то она приняла его съ тою же ласкою, которою прежде его удостоивала, только слегка замѣтила ему о чрезвычайныхъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Тулѣ. Увидавъ смущеніе и замѣшательство Кречетникова, Государыня высказала ему свое крайнее неудовольствіе, добавивъ:

— Надобно поскорѣе помочь этому горю, чтобы не случилось большей бѣды.

Въ этотъ день Императрица долго и внимательно осматривала оружейный заводъ въ Тулѣ, разспрашивала Голову оружейниковъ, Баташева, о состояніи этихъ трудолюбивыхъ и полезныхъ гражданъ. Въ корпусѣ, гдѣ сверлятъ стволы, Государыня сама изволила ударить молотомъ по раскаленному цилиндру. Этотъ стволъ и этотъ молотокъ хранятся и теперь въ арсеналѣ, и любопытные смотрятъ на нихъ съ особымъ благоговѣніемъ. Тульскій арсеналъ также обратилъ на себя вниманіе Ея величества. Древнее оружіе она разсматривала какъ опытный знатокъ въ этомъ дѣлѣ, и

нѣкоторые изъ нихъ приказала перевезти въ Московскую оружейную палату.

Въ тотъ же день отъ Тульскаго дворянства былъ назначенъ балъ, на которомъ Императрица Екатерина еще заранѣе изъявила согласіе присутствовать, почему дворянство и сдѣлало для пріема Императрицы большія затраты. Въ часъ, назначенный для бала, вмѣсто Императрицы прибыла къ дому собранія графиня Скавронская, которая и объявила, что Императрица не будетъ.

Вѣсть эта опечалила всѣхъ съѣхавшихся на балъ. Хотя никто не роптал и не сѣтовалъ, но тѣмъ не менѣе всѣхъ глубоко огорчилъ отказъ Императрицы. Не знали чему приписать такую немилость Государыни.—Впослѣдствіи узнали, что Матушка-Царица, когда каммеръ-фрейлины Протасова и Чернышева, передъ тѣмъ, что ѣхать, напомнили ей о назначенномъ балѣ, то она отвѣтила: «Могу ли я принять въ этомъ балѣ участіе, когда, быть можетъ, многіе здѣшніе жители терпятъ недостатокъ даже въ хлѣбѣ».

Такъ Императрица Екатерина Алексѣевна заботливо относилась ко всему, что касалось блага любимаго ею народа Русскаго. Двудневное пребываніе ея въ Тулѣ оставило въ сердцахъ гражданъ Тульскихъ неизгладимое о ней воспоминаніе.

VII.

Благодѣтельныя послѣдствія войнъ, веденныхъ Императрицею Екатериною во второй періодъ ея царствованія. — Кончина Императрицы Екатерины II-й, 6 ноября 1796 года и скорбь Россіи.

Во время путешествія Императрицы по южнымъ губерніямъ, Государынѣ донесли, что Турецкіе корабли подошли къ Очакову. Принцъ де-Линь и принцъ Нассаускій испросили у Государыни позволеніе отправиться къ Очакову и узнать причину приближенія Турецкихъ кораблей къ устью Днѣпра, на пути слѣдованія Императрицы къ крѣпости Кинбурнъ, которую она располагала осмотрѣть. Принцы де-Линь и Нассаускій, пробывъ подъ Очаковымъ нѣсколько времени, сняли на карту положеніе Турецкаго флота и по возвращеніи поднесли карту эту Императрицѣ, прося Государыню разрѣшить имъ прогнать Турокъ. Государыня, разсмотрѣвъ карту, сказала:

— «Положеніе, принятое Турецкими кораблями, предзнаменуетъ войну, которая, вѣроятно скоро и возгорится».

Слова Государыни сбылись, Турція подстрекаемая Англіею и Франціею боявшимися усиленія могущества Россіи, вынуждена была въ 1787 году объявить войну Россіи

Первымъ непріязненнымъ дѣйствіемъ Турокъ противъ Русскихъ было: заключеніе въ Семибашенный замокъ Русскаго посланника въ Константинополѣ, Якова Ивановича Булгакова за то, что онъ отвергъ требованія Оттоманской порты о признаніи недѣйствительнымъ Кучукъ-Кайнарджійскаго договора 1783 года, и возвращеніи Портѣ Крыма и всѣхъ пріобрѣтеній поэтому

договору. Я. И. Булгаковъ содержался въ Семибашенномъ замкѣ въ теченіи двадцати семи мѣсяцевъ, чуть не во все время продолженія второй Турецкой войны.

Какъ первая Турецкая война 1769—1774 г. такъ и война 1787– 1791 гг., окончилась для Россіи со славою, доставивъ Русскому оружію рядъ блистательныхъ побѣдъ, въ которыхъ наиболѣе отличался Александръ Васильевичь Суворовъ Рымникскій. Командующимъ всѣми русскими войсками противъ Турокъ былъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Намѣренія Турокъ завоевать вновь Крымъ не осуществились, и Порта, доведенная до крайности побѣдами Суворова, вынуждена была въ 1791 году заключить съ Россіею договоръ въ Яссахъ 29 декабря, по которому окончательно было утверждено и присоединеніе Крыма и Очакова къ Россіи; Очаковъ присоединенъ былъ съ значительнымъ пространствомъ земли между Днѣстромъ и Днѣпромъ. Главнѣйшимъ же послѣдствіемъ второй Турецкой войны было утвержденіе Русской власти надъ Чернымъ моремъ и всѣми странами, которыя были присоединены Россіею послѣ 1775 года. Съ окончаніемъ этой войны, Императрица Екатерина могла уже съ большею увѣренностью приступить къ развитію торговли и промышленности въ южныхъ губерніяхъ по берегамъ Чернаго моря.

Императрица Екатерина, ведя упорную пятилѣтнюю войну съ Турками 1787—1792 гг., въ то же время вынуждена была вести борьбу съ Швеціею, которая, завидуя успѣхамъ Русскаго оружія на востокѣ, съ Турками, и желая воспользоваться отвлеченіемъ главныхъ силъ Русской арміи къ южнымъ Турецкимъ гра-

ницамъ, объявила Россіи безъ всякой основательной причины войну. Шведскій король Густавъ III-й былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія, онъ полагалъ что настала удобная минута возвратить Швеціи всѣ земли завоеванныя у ней Петромъ Великимъ. Отправляясь на войну, король самоувѣренно объявилъ своимъ приближеннымъ, «что будетъ завтракать въ Петергофѣ»; но вмѣсто того ему привелось пробыть чуть не голодомъ болѣе трехъ недѣль въ Выборгскомъ заливѣ.

Война съ Швеціею была болѣе морская, нежели сухопутная, и флотъ Русскій, предводимый опытными адмиралами: Грейгомъ, Чичаговымъ и принцемъ Нассау-Зигенъ, прославился столь же на морѣ Балтійскомъ, сколько прославился флотъ Русскій въ первую Турецкую войну на Черномъ морѣ. Отважное и необдуманное предпріятіе Шведскаго короля Густава III-го кончилось пораженіемъ Швеціи, она потерпѣла значительныя потери въ людяхъ, затративъ при этомъ значительныя суммы денегъ; кромѣ того въ Швеціи, мѣстности гдѣ проходило войско и гдѣ были битвы, совершенно раззорены и опустошены. Впрочемъ, время шведской войны было и для Россіи тяжко. Всѣ войска были въ дѣйствіи на различныхъ пунктахъ; для увеличенія арміи произведенъ былъ усиленный наборъ рекрутъ; кромѣ того веденіе одновременно двухъ войнъ требовало большихъ денежныхъ расходовъ. Но всѣ затрудненія побѣждены были твердою волею, мудрою предусмотрительностью Екатерины Великой и любовію и преданностію къ престолу и отечеству народа Русскаго.

Въ то время какъ Суворовъ громилъ Турокъ на югѣ, а адмиралъ Грейгъ, Чичаговъ и принцъ Нассау-

Зигенъ удачно дѣйствовали на сѣверѣ противъ Шведовъ, безпокойная Польша, изнемогавшая отъ внутреннихъ раздоровъ и безпорядковъ, старалась все-таки по возможности вредить Россіи, такъ что Императрица Екатерина для обузданія поляковъ вынуждена была держать и въ Польшѣ войска. Въ 1793 году Польша была раздѣлена между тремя сосѣдними могущественными державами: Пруссіею, Австріею и Россіею. Россіи достались: области Минская и Подольская, половина Волыни, часть Литвы и 10 уѣздовъ къ Кіеву, всего 4,016 квадратныхъ миль съ 3,153,620 жителей.

Въ 1794 г. вспыхнуло возмущеніе въ Польшѣ и Поляки, въ ночь съ четверга на пятницу страстной недѣли, перерѣзали многихъ русскихъ въ Варшавѣ. Для возстановленія порядка и наказанія Поляковъ. Императрица Екатерина отправила въ Польшу 25,000 войскъ подъ начальствомъ Суворова. Александръ Васильевичъ Суворовъ разгромивъ 100,000 поляковъ, 24 октября 1794 г. взялъ предмѣстье Варшавы,—Прагу, а 29-го октября того же года и самую Варшаву, чѣмъ и водворилъ спокойствіе въ Польшѣ. Послѣ этого безпокойная Польша была вновь раздѣлена, и къ Россіи присоединена была вся Литва.

Императрица Екатерина, положивъ предѣлъ своеволію Польши, усмирила безпокойныхъ ея жителей.

Въ 1796 году Императрица Екатерина вынуждена была начать войну съ Персіею. Поводомъ къ этой войнѣ были опустошенія, причиняемыя Персами Грузіи. Персидскій шахъ Ага-Мугамедъ овладѣлъ Тифлисомъ, допустилъ перерѣзать большую частъ жителей, разрушилъ церкви и увелъ въ плѣнъ шестнадцать тысячь

человѣкъ. Императрица Екатерина, узнавъ объ ужасномъ бѣдствіи, постигшемъ Грузію, и желая помочь Грузинскому царю Ираклію, отправила въ Грузію восемь тысячь войска подъ начальствомъ графа Гудовича. Подступивъ къ Дербенту, Гудовичъ по соединеніи съ арміею командуемою графомъ Зубовымъ покорили въ 1796 году Деребентъ, Баку, Шемаху и Ганджу: кромѣ того графъ Зубовъ овладѣлъ берегомъ Каспійскаго моря отъ устья Терека до Куры, перешелъ Арак-су и персидскому шаху предстояло одно, покорится безусловно Русскимъ. Въ это время, когда Императрица возстановляла повсюду нарушенный порядокъ, Богу угодно было прекратить дни ея, и въ то же время война противъ Персіи была остановлена и Русскія войска отозваны изъ Грузіи.

Императрица Екатерина Великая почила въ вѣчность ноября 6 дня 1796 года. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ печальномъ событіи адъютантъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Сумароковъ: «Императрица Екатерина II-я была сложенія крѣпкаго, сохранила въ шестьдесятъ семь лѣтъ всю бодрость, живость ума, казалась безсмертною и всѣ боялись даже и помышлять, что когда нибудь лишатся ея.... Но она часто жаловалась на головныя боли, на слабость ногъ; недуги увеличивались, показались даже пятны на лицѣ, и не смотря на всѣ убѣжденія лейбъ-медика Рожерсона, она не соглашалась пустить себѣ кровь. Ноября 5 въ среду, она пробудилась по обыкновенію довольно рано, занималась дѣлами, и въ 10 часовъ утра комнатные служители удивились долгому пребыванію ея въ кабинетѣ. Ожидали съ нетерпѣніемъ выхода ея, но она—не возвращалась; въ тревогѣ

отворили дверь кабинета и увидѣли Императрицу лежащую безъ чувствъ, на полу; дано было знать объ этомъ лейбъ-медикамъ двора; оказано было всякое пособіе, но медицинскія средства не въ силахъ уже были возстановить здоровье Великой Государыни на новые государственные труды и подвиги!... Императрица, пролежавъ болѣе сутокъ безъ чувствъ, 6 ноября окончила свое земное существоваміе отъ апоплексическаго удара.»

«Невозможно описать говоритъ Сумороковъ, той горести, какую ощущалъ всякій при вѣсти о кончинѣ Императрицы. Никакая потеря друга, кровнаго, чего-либо драгоцѣннаго, не подходитъ къ сравненію съ тѣми тяжелыми чувствами! Общее уныніе обояло столицу; на другой день съ кѣмъ ни встрѣтишься, всякій пожметъ тебѣ руку и со вздохомъ говоритъ: «мы лишились матери, нашей благодѣтельницы!» Одна мысль, что Екатерина оставила навсегда своихъ любимыхъ чадъ—вѣрныхъ подданныхъ, поражала сердца неизъяснимою грустію. Уныніе овладѣло всею Россіею!...»

По 15-е ноября тѣло покойной Государыни оставалось въ опочивальной комнатѣ. 15 ноября тѣло Ея Величества съ торжественною, печальною церемоніею было перенесено въ тронную залу, на парадную кровать. На другой и въ слѣдующіи дни, по сдѣланному объявленію, были допускаемы люди всякаго званія къ рукѣ опочившей государыни, отдать послѣдній христіанскій долгъ Вѣнценосной благотворительницѣ Русскаго царства—Матери Отечества.

5 Декабря совершено было въ Петропавловскомъ соборѣ погребеніе Государыни съ обычною торжественностію.

Императрица Екатерина и по кончинѣ своей осталась навсегда незабвенною въ сердцахъ народа Русскаго. Всѣ обожали Великую Монархиню; повсюду достигала вѣсть о мудрой царицѣ Сѣвера и въ отдаленнѣйшихъ странахъ удивлялись дѣламъ ея. Знаменитые писатели просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ, восхваляли премудрость Екатерины II-й. При жизни ея отовсюду стекались славные міра, узрѣть Великую, преклонить колѣна предъ ея царственными доблестями, насладиться лицезрѣніемъ ея и теплою, задушевною рѣчью, и всѣхъ, кто только повергался къ подножію престола ея, всѣхъ осѣняли милость и благоволеніе Великой царицы. Время благословеннаго ея царствованія исторія назвала—*Вѣкомъ Екатерины Великой*. И этотъ вѣкъ, ознаменованный громами побѣдъ и завоеваній, усовершенствованіемъ гражданскаго благоустройства, развитіемъ наукъ и художествъ, славный множествомъ именъ великихъ людей, будетъ всегда незабвеннымъ для каждаго Русскаго, истиннаго сына Отечества. Всѣ начинанія Великаго Преобразователя Россіи Петра I-го, окончательно совершились или достигли желаемой цѣли въ благословенное царствованіе Великой Монархини Русской Екатерины II-й, Алексѣевны. Народъ Русскій, облагодѣтельствованный щедрыми милостями Екатерины, твердыми шагами пошелъ по пути къ могуществу и благоденствію, попралъ всѣ ухищренія двадесяти языковъ (при нашествіи французовъ на Россію въ 1812 г.) и сталъ на настоящей степени своего могущества, славы и величія, подъ державнымъ управленіемъ мудраго нашего Монарха Отца Отечества—Освободителя, Императора Александра II.

Памятникъ
ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й, ВЕЛИКОЙ.
(въ С.-Петербургѣ).

Дабы сохранить на вѣчныя времена память о мудрой царицѣ, благодарное потомство воздвигнуло нынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-й Алексѣевнѣ достойный памятникъ.

ОПИСАНІЕ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-Й.

Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й сооруженъ въ С.-Петербургѣ на площади предъ Александринскимъ театромъ между садомъ Собственнаго Его Императорскаго Величества Дворца (что у Аничкова моста) и Публичною Императорскою библіотекою. Вокругъ памятника устроенъ скверъ: газоны съ посадкою молодыхъ деревъ обрамлены тротуаромъ вокругъ. Позади памятника, къ Александринскому театру, имѣется площадка предназначенная для игръ дѣтей; скверъ совершенно открытъ, безъ всякой ограды, только тротуаръ вокругъ сквера приподнятъ надъ окружающей мостовой на одну невысокую ступень (около трехъ съ половиною вершковъ). Самый монументъ *окруженъ тумбами сѣраго гранита*, соединенными толстою цѣпью, чѣмъ преграждается входъ на ступени памятника. Ступеней четыре, онѣ составляютъ основаніе всего монумента, высѣчены изъ краснаго сердобольскаго гранита, ихъ раздѣляютъ на четыре части массивныя, краснаго же гранита, тетивы, каждая слишкомъ въ 4,000 пуд. вѣсу. Какъ нижнія, такъ и верхнія ступени (проступи) высѣчены изъ цѣльныхъ кусковъ; нижнія состоятъ изъ двухъ такихъ кусковъ, а верхнія цѣльныя, въ девять погонныхъ аршинъ. Ступени поддер-

живаютъ основаніе памятника, составленное изъ 6 кусковъ сѣраго (тоже сердобольскаго) гранита (окружностью около 30 аршинъ); на основаніи укрѣпленъ столбъ изъ двухъ кусковъ темносѣраго (почти чернаго) гранита; вокругъ этого столба расположены девять фигуръ сподвижниковъ Екатерины, въ слѣдующемъ порядкѣ: Румянцевъ, Потемкинъ и Суворовъ — къ Невскому проспекту; Державинъ и Дашкова — къ Аничкову дворцу; Безбородко и Бецкій — къ Публичной библіотекѣ, и Чичаговъ и Орловъ-Чесменскія—къ фронтону Александринскаго театра. Столбъ, окруженный этими девятью фигурами, увѣнченъ величественною фигурою Императрицы (обращенною лицомъ къ Невскому проспекту), въ царственной порфирѣ.

Для освѣщенія памятника поставлены четыре бронзовые газовые канделябра, чрезвычайно изящнаго рисунка.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

торжественнаго открытія памятника

ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й.

I. Ноября 24-го дня, въ 7 часовъ утра, пятью пушечными выстрѣлами въ Петропавловской крѣпости возвѣщено будетъ городу, что того числа имѣетъ быть торжественное открытіе памятника въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Екатеринѣ II.

II. Къ 10 часамъ утра, по разосланнымъ отъ Двора повѣсткамъ, соберутся особы, участвующія въ поѣздѣ съ Ихъ Императорскими Величествами и Ихъ Императорскими Высочествами, въ Зимній Дворецъ, а неучаствующіе въ поѣздѣ: члены Государственнаго Совѣта, Министры, сенаторы, придворныя дамы, первые и вторые чины Двора и придворные кавалеры, статсъ-секретари, особы, имѣющія входъ за Кавалергардовъ, всѣ особы первыхъ четырехъ классовъ, находящіеся въ С.-Петербургѣ предводители дворянства и и депутаты отъ купечества—прямо къ мѣсту воздвигнутаго памятника, гдѣ по указанію церемоніймейстеровъ, они займутъ мѣста. Чины придворные, военные и гражданскіе въ парадной формѣ. Къ тому же времени особы Дипломатическаго Корпуса прибудутъ въ зданіе Императорской Публичной Библіотеки. Заблаговременно предъ симъ сняты будутъ послѣднія завѣсы, прикрывающія памятникъ.

III. Войска разставлены будутъ по распоряженію военнаго начальства.

IV. Рота Дворцовыхъ гренадеръ со знаменемъ будетъ занимать почетный караулъ при памятникѣ на возвышеніи, составляющемъ подножіе онаго.

V. Въ 11 часовъ Государь Императоръ и Государи Великіе Князья изволятъ выйти изъ Дворца и въ воротахъ онаго сѣсть на коней, послѣ чего Его Величество изволитъ принять начальство надъ находящимися въ строю войсками.

VI. Вслѣдъ засимъ Государыня Императрица и Государыни Великія Княгини и Великая Княжна, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ Ея Величества, въ сопро-

вожденіи Свиты, изволятъ шествовать на Собственный Ея Величества поѣздъ, у котораго приготовлены будутъ экипажи.

VII. Когда Государыня Императрица и Государыни Великія Княгини и Великая Княжна изволятъ сѣсть въ экипажи, тогда поѣздъ двинется по Дворцовой площади и Невскому проспекту къ воздвигнутому памятнику въ слѣдующемъ порядкѣ:

Лейбъ-гвардіи Кавказскій казачій эскадронъ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя, повзводно.

Оберъ-офицеръ взвода Грузинъ эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя.

Двѣнадцать юнкеровъ взвода Грузинъ того же эскадрона, по два въ рядъ.

Оберъ-офицеръ того же эскадрона.

Конюшенный офицеръ верхомъ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Великою Княгинею Цесаревною и Великою Княжною Маріею Александровною, въ каретѣ; у праваго колеса экипажа оберъ-шталмейстеръ, у лѣваго командиръ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя; за ними четыре камеръ-пажа и четыре конюха верхомъ.

Государь Императоръ изволитъ ѣхать возлѣ кареты Ея Императорскаго Величества.

За Его Величествомъ Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья и Министры: Императорскаго Двора *) и Военный, генералъ-адъютанты, Свиты Его Ве-

*) Онъ же командующій Императорскою Главною Квартирою.

личества генералъ-маіоры и флигель-адъютанты и адъютанты Ихъ Высочествъ.

Четыре юнкера Грузинъ лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя, по два въ рядъ.

Ихъ Императорскія Высочества Государыни Великія Княгини Александра Іосифовна и Александра Петровна, въ каретѣ; съ каждой стороны экипажа по шталмейстеру; за ними два камеръ-пажа и два конюха верхомъ.

2-й взводъ лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя.

Въ каретахъ:

Статсъ-дамы и камеръ-фрейлины.

Гофмейстерины Ихъ Высочествъ.

Свитныя и дежурныя фрейлины Ея Императорскаго Величества.

Фрейлины Ихъ Высочествъ.

Въ замкѣ:

Конюшенный офицеръ верхомъ.

Шесть конюховъ верхомъ.

Въ заключеніе:

3-й и 4-й взводы лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя.

VIII. Государь Императоръ и Государи Великіе Князья изволятъ слѣзть съ коней у подножія памятника и взойти на устроенный около онаго помостъ, гдѣ имѣетъ быть совершено торжественное молебствіе.

IX. Государыня Императрица, Государыни Великія

Княгини и Великая Княжна въ экипажахъ изволятъ подъѣхать къ зданію Императорской Публичной Библіотеки и, выйдя изъ экипажей, изъ залъ оной присутствовать при предстоящей церемоніи.

X. По проѣздѣ Высочайшаго поѣзда мимо Казанскаго собора, высокопреосвященный Митрополитъ и члены Святѣйшаго Синода со всѣмъ духовенствомъ, выходятъ изъ онаго и шествуютъ крестнымъ ходомъ по Невскому проспекту до памятника.

XI. По вступленіи крестнаго хода на помостъ, начнется благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ воспѣтія многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ и всему Царствующему Дому, Государь Императоръ изволитъ снова принять начальство надъ войскомъ. Тогда протодіаконъ возгласитъ вѣчное поминовеніе въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ это время войска, по личной командѣ Его Величества, отдадутъ честь, а съ Петропавловской крѣпости и изо всѣхъ орудій, при войскахъ находящихся, произведется пальба; на Исаакіевскомъ же соборѣ и ближайшихъ церквахъ—колокольный звонъ.

Затѣмъ протодіаконъ возгласитъ многолѣтіе всероссійскому побѣдоносному воинству и всѣмъ русскимъ вѣрноподданнымъ.

XII. Послѣ многолѣтія всероссійскому побѣдоносному воинству и всѣмъ русскимъ вѣрноподданнымъ, высокопреосвященный Митрополитъ, осѣнивъ крестомъ воинство, возвращается съ духовенствомъ въ Казанскій соборъ тѣмъ же порядкомъ.

XIII. Тогда Министръ Путей Сообщенія, подъ управ-

леніемъ котораго сооруженъ памятникъ, поднесетъ Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государямъ Великимъ Князьямъ, Государынямъ Великимъ Княгинямъ и Великой Княжнѣ выбитыя на сей случай медали.

XIV. Въ это время войска строются къ церемоніальному маршу.

XV. Государыня Императрица, Государыни Великія Княгини и Великая Княжна изволятъ возвратиться въ Зимній Дворецъ тѣмъ же порядкомъ.

XVI. Ввечеру весь городъ и памятникъ будутъ иллюминованы.

СПОДВИЖНИКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й ВЕЛИКОЙ.

Румянцевъ.—Потемкинъ.—Суворовъ. — Державинъ. — Дашкова. — Безбородко.—Бецкій. — Чичаговъ. — Орловъ-Чесменскій.

Румянцевъ-Задунайскій *). — Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій былъ сынъ генералъ-Аншефа графа Александра Ивановича и правнукъ знаменитаго боярина Матвѣева; онъ родился въ 1725 г. Первоначально Румянцовъ обучался въ деревнѣ, подъ надзоромъ своего родителя, а потомъ нѣсколько времени въ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Записанный въ военную службу еще 6 лѣтъ отъ рожденія, онъ въ 1743 г., на 19-мъ отъ рожденія, былъ уже армейскимъ капитаномъ и присланъ отцемъ сво-

*) Смотри стран. 41—46, 67.

имъ въ Петербургъ изъ Абова съ мирнымъ трактатомъ. Императрица Елисавета Петровна такъ была довольна прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ Швеціею и значительными пріобрѣтеніями, что пожаловала Румянцева прямо въ подполковники. Съ этихъ поръ Румянцевъ отправился въ дѣйствовавшую тогда армію противъ Пруссіи, и для него начался рядъ знаменитыхъ его подвиговъ, прославившихъ его на вѣчныя времена. Чрезъ короткое время Румянцевъ достигнулъ чина генералъ-поручика и награжденъ былъ орденомъ Св. Александра Невскаго (1759 г.). Въ 1761 г. Румянцевъ командуя отдѣльнымъ корпусомъ, взялъ Прусскій городъ Кольбергъ съ 2903 чел. плѣнныхъ, 146 орудій, 33 тысячи ядеръ и бомбъ, 500 тысячъ пуль и 20 знаменъ. Царствовавшій тогда Императоръ Петръ III-й пожаловалъ Румянцева чиномъ генералъ-Аншефа и кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. По вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II-й, Румянцевъ былъ приближенъ къ Государынѣ, которая назначила его генералъ-губернаторомъ въ Малороссію, президентомъ тамошней коллегіи, главнымъ начальникомъ Малороссійскихъ казацкихъ полковъ, Запорожскихъ казаковъ и Украинской дивизіи. Румянцевъ оправдалъ довѣріе Государыни: онъ искоренилъ взяточничество, внушилъ Малороссамъ любовь къ военной службѣ, доставилъ имъ многія облегченія въ повинностяхъ и проч. Когда началась война Россіи съ Турками, Румянцевъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 2-ю арміею, а вскорѣ смѣнилъ Голицына, командовавшаго 1-ю арміею. Находясь въ этомъ званіи, Румянцевъ одержалъ множество блистательныхъ побѣдъ надъ

Турками за Дунаемъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны побѣды при Лагри 7 іюля 1770 г. и Кагулѣ 20 іюня того же года. Побѣды Румянцева и одновременно съ тѣмъ удачныя дѣйствія Потемкина, Суворова и другихъ военноначальниковъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, навели такой страхъ на Турокъ, что они запросили мира, который и былъ заключенъ съ ними при Кучукъ-Кайнарджи. Въ день празднованія мирнаго торжества Императрица Екатерина, приписывая всю славу единственно Румянцеву, наименовала его: *Задунайскимъ*; выдала грамоту побѣдъ его; «за разумное полководство» пожаловала фельдмаршальскій жезлъ; «за храбрость» шпагу, обложенную алмазами; «за побѣды» лавровый вѣнокъ; «за заключеніе мира» масличную вѣтвь; «въ знакъ монаршаго благоволенія» крестъ и звѣзду ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, осыпанные алмазами; «въ честь его и для поощренія примѣромъ его потомства» Императрица повелѣла выбить медаль съ изображеніемъ Румянцева. Кромѣ того, король Прусскій собственноручно возложилъ на Румянцева орденъ Чернаго Орла, когда Румянцевъ былъ въ Пруссіи, сопровождая Наслѣдника Престола въ Берлинъ.

Возвратясь въ Россію, Румянцевъ снова вступилъ въ управленіе Малороссіею и за свою дѣятельность и разумныя мѣры былъ награжденъ Императрицею орденомъ Св. Владиміра 1 степ. (1782 г.), пожалованъ подполковникомъ конной гвардіи (1784 г.), затѣмъ Императрица наименовала его главнокомандующимъ Украинскою арміею, выставленною противъ Турокъ въ 1787 г. Но въ то время при дворѣ уже возвысился

Потемкинъ, и Румянцевъ сдалъ ему свою армію, сказавшись больнымъ и удалившись въ деревню. Между тѣмъ Императрица Екатерина не забыла подвиговъ Румянцева и повелѣла воздвигнуть ему въ Царскомъ Селѣ обелискъ. По смерти Потемкина, Императрица празднуя миръ съ Турціею въ 1791 г., вспомнила о Румянцевѣ, наградила его шпагою, осыпанною алмазами, и въ 1794 г. вновь призвала на поле брани. Румянцевъ, оставался на Украйнѣ, снарядилъ Суворова въ Польшу и благоразумными распоряженіями своими много содѣйствовалъ усмиренію возникшихъ въ Польшѣ мятяжей, за что и былъ награжденъ похвальною грамотою (1795 г.), деревнями, домомъ въ Петербургѣ съ приличнымъ убранствомъ и предъ онымъ памятникомъ, съ надписью: «*Побѣдамъ графа Румянцева-Задунайскаго*». Памятникъ этотъ находится въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, между бывшими I-мъ Кадетскимъ Корпусомъ и Академіею Художествъ.

Графъ Румянцевъ-Задунайскій окончилъ славную жизнь свою въ 1796 г., 8 декабря, черезъ мѣсяцъ по кончинѣ благодѣтельницы Русскаго народа Императрицы Екатерины II-й. Благодарное потомство признало Румянцева: «великимъ полководцемъ».

Потемкинъ-Таврическій *). — Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ былъ сынъ отставнаго маіора и родился въ 1736 г. въ помѣстьи отца. Первоначальное образованіе Потемкинъ получилъ въ Смолен-

*) См. Стран. 49, 51, 56—77.

ской Семинаріи, такъ какъ отецъ предназначалъ его къ духовному званію. По окончаніи Семинаріи Потемкинъ поступилъ въ Университетъ и учился весьма прилежно, удивляя всѣхъ своими быстрыми успѣхами въ наукахъ. Но онъ не докончилъ образованія въ Университетѣ и поступилъ въ военную службу въ конную гвардію. По вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины, Потемкинъ имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе Императрицы и былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ, потомъ дѣйствительнымъ камергеромъ съ чиномъ секундъ-ротмистра конной гвардіи. Когда въ 1769 г. возгорѣлась война съ Турціею, Потемкинъ отправился въ дѣйствующую армію. Здѣсь онъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ во время войны съ 1769 по 1774 г., и выказалъ необыкновенную личную храбрость и мужество, за что и получилъ разные ордена и возвысился до чина Генералъ-Аншефа; кромѣ того назначенъ вице-президентомъ Военной коллегіи, подполковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и наконецъ въ 1775 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній, съ властью и преимуществами царскаго намѣстника, а по заключеніи съ Турками мирнаго договора пожалованъ графскимъ достоинствомъ и шпагою, осыпанною алмазами. Въ 1776 г. Императрица пожаловала Потемкина поручикомъ Кавалергардскаго Корпуса и исходатайствовала ему княжеское достоинство Римской Имперіи съ титуломъ *Свѣтлѣйшаго*. Могущество Потемкина при Императрицѣ Екатеринѣ было столь сильно, что иностранные государи заискивали его вниманія: король Польскій прислалъ ему ор-

денъ Бѣлаго орла и Св. Станислава; король Прусскій пожаловалъ ленту Чернаго орла, Датскій — препроводилъ Потемкину орденъ Слона, Шведскій—орденъ Серафима. Въ 1777 г. Потемкинъ предположилъ привести въ исполненіе давнишнее желаніе свое — овладѣть Крымомъ, изгнать изъ Европы Турокъ и основать независимое Греческое королевство. Для чего въ томъ же году стараніями Потемкина Крымскій ханъ Шагинъ-Гирей былъ объявленъ независимымъ отъ Турецкаго Султана. Въ то же время Потемкинъ обдумывалъ планъ овладѣнія Крымомъ. Въ 1782 г. по представленію Потемкина были заселены многія пустопорожнія мѣста въ Новороссійскомъ краѣ, а въ слѣдующемъ затѣмъ году, съ помощію графа А. В. Суворова, Потемкинъ присоединилъ къ Россіи и весь Крымскій полуостровъ, также Тамань и Кубанскую область, безъ всякаго кровопролитія. Императрица Екатерина, въ награду заслугъ Потемкина, пожаловала его Президентомъ Военной Коллегіи съ чиномъ генералъ-фельдмаршала, Екатеринославскимъ и Таврическимъ генералъ-губернаторомъ и Шефомъ Кавалергардскаго полка. Тогда Потемкинъ устремилъ все свое вниманіе на устроеніе благодатнаго края—Крыма; по его попеченію дикія степи превратились въ плодоносныя поля съ многочисленными стадами скота; повсюду возвышались богатыя селенія, многолюдные города. И все это Потемкинъ оградилъ цѣпью войскъ, на Черномъ же морѣ свободно развѣвался русскій флагъ. 1787 годъ былъ самымъ достопамятнымъ годомъ въ жизни Потемкина: Императрица Екатерина, склоняясь на убѣжденія Потемкина, удостоила новоустроенный имъ край своимъ посѣщеніемъ

и всѣмъ видѣннымъ осталась весьма довольна, такъ что по возвращеніи своемъ въ Петербургъ пожаловала его похвальною грамотою и наименовала—*Таврическій.*

Во время второй Турецкой войны, длившейся съ 1787 по 1791 г. Потемкинъ былъ главнокомандующимъ Екатеринославскою арміею, лично осаждалъ и взялъ Очаковъ, за что получилъ орденъ Георгія 1 степ., 100 тысячъ руб. денегъ, шпагу, осыпанную брилліантами въ 60 тыс. руб., съ подписью «*за храбрость*». При отъѣздѣ же своемъ въ армію Потемкинъ былъ награжденъ фельдмаршальскимъ жезломъ, осыпаннымъ брилліантами, орденомъ Св. Александра Невскаго и ему дано было 6,000,000 руб. на продолженіе военныхъ дѣйствій съ Турками. Въ 1789 г. Потемкинъ осаждалъ и взялъ Бендеры, завоевалъ Молдавію и большую часть Бессарабіи. Императрица Екатерина, признательная къ заслугамъ Потемкина, прислала ему сто тысячъ руб. денегъ, лавровый вѣнокъ, осыпанный изумрудами и брилліантами и стоющій 150 тыс. руб., а также золотую медаль, выбитую въ память заслугъ Потемкина. Въ томъ же году Потемкинъ былъ возведенъ на степень Великаго Гетмана Казазскихъ Екатеронославскихъ и Черноморскихъ войскъ.

Во всѣхъ этихъ званіяхъ Потемкинъ былъ однимъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ исполнителей воли Государыни и ея пособниковъ во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ. Такова была жизнь и дѣятельность Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина-Таврическаго, прозваннаго *Великолѣпнымъ.* Много принесъ бы онъ еще пользы отечеству, еслибъ преждевременная смерть не сразила его. Послѣ непродолжительной болѣзни, онъ скончался

въ 1791 г. на 56-мъ отъ рожденія. Горько оплакала Императрица Екатерина потерю лучшаго своего сподвижника и повелѣла воздвигнуть въ память его монументъ въ Херсонѣ.

Суворовъ - Рымникскій. *) — Князь Италійскій, графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій былъ сынъ Шведскаго дворянина Василія Ивановича, по прозванію Суворова. Алексадръ Васильевичъ Суворовъ, будучи ребенкомъ, проявлялъ необыкновенныя способности ума и обнаруживалъ желаніе служить въ военной службѣ. Долго отецъ его не соглашался исполнить желаніе сына, находя его не пригоднымъ къ военной службѣ по причинѣ слабаго здоровья сына, и только благодаря убѣжденію генерала Ганнибала Александръ Васильевичъ достигъ желаемаго и вступилъ въ службу солдатомъ. Онъ пробылъ въ званіи простаго рядоваго 7 лѣтъ и только на 22 году отъ рожденія былъ произведенъ въ офицеры. Еще солдатомъ Суворовъ былъ лично извѣстенъ Императрицѣ Елисаветѣ, которая удостоивала его своею милостію. Въ 1751 г., когда началась семилѣтняя война Россіи съ Пруссіею, Суворовъ поступилъ въ дѣйствующую армію и отличился въ этой войнѣ многими подвигами безстрашія, мужества и распорядительности, достигъ чина полковника и былъ назначенъ командиромъ Суздальскаго пѣхотнаго полка. По вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины Великой, Суворовъ вскорѣ былъ замѣ-

---

*) См. стр. 88—90.

ченъ ею и отличенъ предъ другими милостями и вниманіемъ: Императрица видѣла въ немъ искуснаго вождя и отличнаго военноначальника. Въ 1769 г. возникла война съ Польшею и Суворовъ принималъ въ ней дѣятельное участіе, лично водилъ войска свои въ кровавыя, рукопашныя битвы, такъ что въ короткое время сдѣлался грозою для Поляковъ, которыхъ усмирилъ, нанеся имъ рѣшительный ударъ взятіемъ г. Кракова (1772 г.), за что и былъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Изъ Польши Суворовъ былъ назначенъ въ дѣйствующую армію противъ Турокъ, съ которыми въ то время также велена была война. Здѣсь Суворовъ имѣлъ битву при Гирсовѣ (1773 г.) и одержалъ побѣду при Козлуджи (1774 г.), дѣйствуя столь быстро и рѣшительно, что Турки пугались при одномъ имени Суворова. За подвиги и храбрость Суворова, Императрица произвела его въ чинъ генералъ-поручика. Въ томъ же году Суворовъ принималъ участіе въ поимкѣ бунтовщика Емельяна Пугачева, котораго и доставилъ въ Москву. Въ 1782 г. А. В. Суворовъ много содѣйствовалъ Потемкину въ присоединеніи къ Россіи Крымскаго полуострова, для чего жилъ въ Крыму у хана Шагинъ-Гирея и своими убѣжденіями достигъ того, что Ханъ добровольно отрекся отъ ханскаго престола; за что Императрица пожаловала Суворова орденомъ Св. Владиміра 1 степ. Въ 1787 году, когда возникла вторая война съ Турціею, Суворовъ былъ командированъ въ дѣйствующую армію и своими побѣдами окончательно упрочилъ за собою славу непобѣдимаго; онъ участвовалъ въ битвѣ при Кинбурнѣ (1787 г.), гдѣ едва не лишился жизни, также — при

осадѣ Потемкинымъ Очакова (1788 г.), одержалъ значительную побѣду подъ Фокшанами и знаменитую при Рымникѣ (1790 г.), и за свои подвиги былъ награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Георгія 1 степ., кромѣ того получилъ графское достоинство, наименованіе—*Рымникскаго* и брилліантовые знаки ордена Андрея Первозваннаго. Императоръ Австрійскій пожаловалъ Суворова въ графы Римской Имперіи. Въ томъ же году Суворовъ 10 декабря взялъ неприступную сильную крѣпость Измаилъ, а въ 1794 г. по случаю возникшихъ безпорядковъ въ Польшѣ онъ былъ отправленъ туда, для усмиренія Поляковъ и водворенія спокойствія. Назначеніе это Суворову дано было лично самою Императрицею, и Суворовъ оправдалъ надежды Государыни. Онъ въ короткое время повсюду разбилъ Поляковъ, осадилъ и взялъ приступомъ Прагу, предмѣстье Варшавы, послѣ чего и самая Варшава сдана была ему безъ сопротивленія, чѣмъ и прекратилъ безпорядки въ Польшѣ. Императрица Екатерина въ признательность за труды и подвиги Суворова пожаловала герою брилліантовую петлицу на шляпу, а по взятіи Варшавы произвела его, помимо многихъ старшихъ его генераловъ, въ Фельдмаршалы русскихъ войскъ.

Черезъ два года скончалась Императрица Екатерина и Суворовъ, по вступленіи на престолъ Императора Павла Петровича, былъ временно уволенъ отъ службы. Но вскорѣ возникла война съ Франціею и Императоръ Австрійскій, заключившій союзъ съ Россіею, зная лично Суворова и его славные подвиги, просилъ Императора Павла ввѣрить начальство надъ союзною арміею

графу Суворову, на что Императоръ Павелъ изъявилъ согласіе и назначилъ его главнокомандующимъ союзными войсками. При чемъ Императоръ Павелъ наградилъ Суворова орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, а Императоръ Австрійскій возвелъ его въ званіе фельдмаршала Австрійскихъ войскъ. Суворовъ быстро нагрянулъ на Французовъ и послѣ трехдневнаго сраженія при р. Требіи (17, 18 и 19 іюня 1799 г.) разбилъ ихъ на голову, затѣмъ 15 августа того же года при мѣстечкѣ Нови нанесъ имъ другое пораженіе. За эти побѣды Императоръ Павелъ повелѣлъ всѣмъ Русскимъ войскамъ отдавать Суворову, даже въ своемъ присутствіи, всѣ воинскія почести, отдаваемыя Особѣ Его Величества. Король Сардинскій возвелъ Суворова въ званіе главнокомандующаго фельдмаршала Сардинскихъ войскъ съ титуломъ и степенью братьевъ королевскихъ и грандовъ Сардиніи. Послѣ того Суворовъ совершилъ знаменитый походъ по неприступнымъ Швейцарскимъ горамъ, перешелъ Чортовъ мостъ и въ то же время имѣлъ безпрерывныя битвы съ Французами, которыхъ разбивалъ на каждомъ шагу, не смотря на числительное ихъ превосходство. Побѣды Суворова надъ Французами и переходъ его по Швейцарскимъ горамъ удивили всю Европу, и Императоръ Павелъ возвелъ Суворова въ санъ Генералиссимуса Русскихъ войскъ и приказалъ воздвигнуть ему памятникъ, а Императоръ Австрійскій прислалъ Суворову благодарственное письмо и орденъ Маріи-Терезіи большаго креста. Памятникъ Суворову воздвигнутъ въ Петербургѣ предъ Царицыномъ лугомъ, на площадкѣ, получившей названіе Суворовской.

Александръ Васильевичъ Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій скончался въ 1800 г. 6 мая, въ глубокой старости. Потомство признало Суворова: «великимъ полководцемъ» и справедливо. Александръ Васильевъ, лучше чѣмъ кто либо другой зналъ Русскаго солдата; онъ еще въ молодости свыкся съ солдатскимъ житьемъ-бытьемъ, всей душой преданъ былъ военной службѣ, любилъ своихъ солдатушекъ, называлъ ихъ: «дѣти», и былъ искренно самъ любимъ солдатами, которые называли его: «отецъ», и по одному слову его солдаты были готовы переносить всякія опасности и лишенія, тѣмъ болѣе, что и самъ Суворовъ всегда раздѣлялъ съ ними солдатскую долю. Главная заслуга Суворова въ томъ и состояла, что онъ умѣлъ водить солдатъ къ побѣдамъ и для войска его не было неодолимыхъ препятствій.

Таковъ былъ А. В. Суворовъ, этотъ величайшій въ въ мірѣ полководецъ.

Державинъ. *)— Гавріилъ Романовичъ Державинъ былъ потемокъ *Багрима Мурзы*, прибывшаго въ Россію изъ Золотой Орды въ царствованіе Василія Іоанновича Темнаго. Державинъ родился въ Казани въ 1743 году, гдѣ и получилъ образованіе въ Гимназіи, открытой для благороднаго юношества. Обучаясь еще въ гимназіи, Державинъ выказалъ любовь къ стихотворству и отличался предъ своими товарищами остротою ума и пылкостью воображенія. По окончаніи гим-

*) См. стр. 50—51.

назіи, Державинъ поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ (1761 г.) и служилъ примѣрно, проходя съ усердіемъ и ревностью много различныхъ должностей; онъ участвовалъ и при усмиреніи мятежника Емельяна Пугачева. Въ то же время Державинъ занимался стихотворствомъ и написалъ много прекрасныхъ хвалебныхъ одъ или пѣснопѣній чрезъ, что сталъ извѣстнымъ Императрицѣ Екатеринѣ, которая обратила на него вниманіе въ особенности послѣ того, какъ Державинъ написалъ оду «Фелица» *) (счастливая), въ которой описалъ труды и подвиги Императрицы. Въ 1784 году Державинъ, по соизволенію Императрицы Екатерины былъ назначенъ Статсъ-Секретаремъ, въ 1793 г. Сенаторомъ и въ 1794 г. Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи. Вотъ какія званія проходилъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ при Императрицѣ Екатеринѣ. Но и по смерти ея Державинъ, какъ весьма способный государственный дѣятель, съ неменьшимъ успѣхомъ продолжалъ подвизаться на поприщѣ государственной дѣятельности. Императоръ Павелъ назначилъ державина Государственнымъ казначеемъ (1800 г.) и наконецъ Министромъ Юстиціи (1802 г.).

Гавріилъ Романовичъ окончилъ свою многотрудную жизнь въ 1816 году.

Дашкова**). — Княгиня Екатерина Романовна Дашкова была дочь генералъ-аншефа Романа Ларіоновича

*) Сказска «Фелица» написана Императрицею Екатериною. (См. стр. 49).

**) См. стр. 4.

Воронцова. Она родилась въ Петербургѣ въ 1743 году и была воспринята отъ купели Императрицею Елисаветою Петровною и наслѣдникомъ престола Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Съ юныхъ лѣтъ Екатерина Романовна выказывала необыкновенный умъ и способности, чѣмъ въ особенности и была извѣстна при Дворѣ. Императрица Екатерина, еще до вступленія своего на царство, уже удостоивала Дашкову своей дружбы и впослѣдствіи, когда Императрица Екатерина II-я утвердилась на престолѣ, Дашкова была еще болѣе приближена къ Императрицѣ. Получивъ блестящее образованіе, Дашкова пожелала увеличить свои познанія, и, съ этою цѣлью предприняла путешествіе по Европѣ. Возвратившись изъ-за границы просвѣщенною, Дашкова сдѣлалась неотлучною спутницею Императрицы Екатерины и полезною ея сотрудницею. Дашкова, ревнуя о просвѣщеніи соотечественниковъ, съ соизволенія Государыни основала Россійскую Академію и сдѣлалась писательницею. Императрица Екатерина замѣтивъ въ Дашковой способности къ государственной дѣятельности опредѣлила ее директоромъ Академіи Наукъ (1782 г.), а въ слѣдующемъ году Предсѣдателемъ Россійской Академіи. Въ то же время разныя учоныя общества приняли Дашкову въ свои члены. Во всѣхъ этихъ званіяхъ Дашкова была весьма полезною обществу и государству; услуги, оказанныя княгинею Екатериною Романовною Дашковой просвѣщенію, останутся незабвенными. Она написала много полезныхъ сочиненій, между прочимъ успѣла въ 12-ть лѣтъ кончить и издать *Россійскій Этимологическій Словарь*, надъ составленіемъ котораго Французская Академія тру-

дилась почти 80-ть лѣтъ. Кромѣ того Дашкова написала для театра драму: «Свадьба Фабіана, или алчность къ богатству наказанная», написала сочиненіе «Плугъ и Соха», издавала ежемѣсячно: «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова» и многое другое. Дашкова, ревнуя о просвѣщеніи учащагося юношества, подарила Московскому Университету свой кабинетъ Естественной Исторіи и рѣдкостей, на собраніе которыхъ употребила болѣе 30 лѣтъ; собраніе этихъ рѣдкостей оцѣнено было въ 50 тыс. рублей.

Княгиня Екатерина Романовна, послуживъ съ пользою отечеству, скончалась въ 1810 году на 67-мъ году отъ рожденія.

Безбородко *).—Князь Александръ Андреевичъ сынъ генеральнаго судьи Андрея Яковлевича Безбородко, родился въ 1746 г. въ г. Глуховѣ. Онъ обучался сначала въ домѣ своихъ родителей и находясь при отцѣ, по желанію его прочелъ три раза всю Библію, что не мало послужило къ утвержденію въ Безбородкѣ нравственности, которою отличался во всю свою жизнь. Образованіе свое Безбородко докончилъ въ Кіевской Академіи, изучивъ тамъ языки Еврейскій, Греческій, Латинскій, Нѣмецкій и Французскій. По окончаніи образованія Безбородко въ 1765 г., по уничтоженіи гетманства въ Малороссіи, былъ записанъ въ бунчуковые товарищи и въ то же время управлялъ канцеляріею славнаго Румянцова-Задунайскаго, за что поль-

*) См. стр. 63, 65, 67, 69—76.

зовался особымъ довѣріемъ Румянцова. Въ 1767 г. А. А. Безбородко былъ опредѣленъ членомъ Малороссійскаго генеральнаго суда и, чрезъ два года, когда возгорѣлась война съ Турціею, оставилъ гражданскія занятія, посвятивъ себя военной службѣ. Находясь въ вѣденіи Румянцева, Безбородко участвовалъ въ битвахъ при Лагри, 7-го іюля 1770 г., и въ знаменитомъ Качульскомъ боѣ 21-го іюля того же года; затѣмъ въ 1773 г. онъ участвовалъ въ битвахъ за Дунаемъ; 18-го іюня 1773 г., былъ при штурмѣ наружнаго Силистрійскаго ретраншемента и въ продолженіе всей войны управлялъ походными дѣлами Румянцева, съ успѣхомъ исполняя въ то же время и разныя тайныя его порученія.

Отличная служба и рѣдкія способности Безбородко не остались безъ должнаго вознагражденія: въ 1775 г. Безбородко былъ приближенъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II-й и назначенъ для принятія прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя. Въ этомъ званіи Безбородко принесъ огромную пользу многимъ просителямъ, обращавшимся съ просьбами къ Государынѣ. Императрица Екатерина, во вниманіи къ заслугамъ Безбородко, удостоила его еще большею довѣренностью, пожаловавъ его своимъ первымъ секретаремъ и ввѣрила завѣдываніе собственныхъ своихъ дѣлъ. Безбородко во всемъ былъ дѣятельнымъ исполнителемъ воли Государыни; такъ между прочимъ онъ весьма много способствовалъ окончанію дѣлъ съ Крымскими ханами и съ Оттоманскою Портою, и за свою дѣятельность и усердіе онъ былъ награжденъ многими чинами и орденами, ему дозволено было принять Римское графское достоин-

ство, пожалованное Римскимъ Императоромъ, и наконецъ въ 1786 г. онъ переименованъ Гофмейстеромъ и въ 1790 г. пожалованъ, въ день мирнаго торжества съ Швеціею, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, а по случаю примиренія съ Турціею орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; получилъ 50-тъ тысячъ руб. сер., похвальную грамоту, масличную вѣтвь для ношенія на шляпѣ и другія награды. Безбородко не мало потрудился и для умноженія государственныхъ доходовъ, увеличивъ ихъ своими благоразумными мѣрами на нѣсколько милліоновъ рублей, за что награжденъ былъ ежегоднымъ пенсіономъ по 10 тыс. руб. и единовременно 50-ю тысячами руб. Вообще Безбородко постоянно пользовался неограниченною довѣренностью Императрицы и исполнялъ много ея личныхъ приказаній.

Императоръ Павелъ I не меньше своей родительницы любилъ и уважалъ Безбородко и въ 1797 г. возвелъ его въ достоинство Канцлера и Свѣтлѣйшаго Князя Россійскаго, пожаловалъ свой портретъ и большой крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго и много другихъ наградъ.

Князь Александръ Андреевичъ Безбородко скончался 6-го апрѣля 1799 года, оставивъ по себѣ добрую память въ потомствѣ.

Бецкій *).—Иванъ Ивановичъ Бецкій былъ сынъ генералъ-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубец-

*) См. стр. 19—25, 47.

кого; онъ родился въ Стокгольмѣ (въ Швеціи) въ 1704 году. На 15-мъ году Бецкій былъ привезенъ въ Россію, и, закончивъ воспитаніе въ домѣ отца своего, былъ записанъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, откуда и былъ нерѣдко посылаемъ курьеромъ въ чужіе края. Въ 1756 г. Бецкій, по смерти отца своего, отправился за границу въ званіи генералъ-маіора и Дѣйствительнаго Камергера. Во время путешествія своего, Бецкій обозрѣвалъ вездѣ человѣколюбивыя, и ученыя заведенія, безпрестанно помышляя о своемъ отечествѣ. Бецкій былъ проникнутъ чувствомъ состраданія къ несчастіямъ незаконнорожденныхъ дѣтей и изыскивалъ средства для облегченія ихъ участи. Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины, Бецкій былъ представленъ Государынѣ, которая сразу увидѣла въ немъ полезнаго себѣ сотрудника и приблизила къ себѣ. Тогда-то Бецкій нашелъ возможнымъ осуществить свои завѣтныя желанія—помочь незаконнорожденнымъ дѣтямъ. Онъ объяснилъ Императрицѣ о бѣдствіяхъ незаконнорожденныхъ и по соизволенію Государыни поднесъ ей на утвержденіе проэктъ и планъ Воспитательнаго Дома въ Москвѣ. Императрица одобрила мысли Бецкаго и въ 1763 г. 1 сентября утвердила проектъ и планъ Бецкаго. Вслѣдствіе этого тотчасъ было приступлено къ устройству Воспитательнаго Дома въ Москвѣ, который вскорѣ и былъ оконченъ личными стараніями Бецкаго. Стараніями Бецкаго же учреждены въ С.-Петербургѣ Смольный Институтъ и Воспитательный Домъ въ Петербургѣ (1770 г.). Государыня, въ признательность за труды Бецкаго, пожаловала его президентомъ Академіи Художествъ, Главнымъ Попечите-

лемъ Воспитательныхъ Домовъ, Шефомъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса и произвела (1767 г.) въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники: «за многія сочиненія и учрежденія о воспитаніи Россійскаго юношества», какъ сказано въ приказѣ Императрицѣ, а въ 1768 г. Государыня возложила на Бецкаго орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Иванъ Ивановичъ Бецкій, ревнуя о просвѣщеніи русскаго юношества, содержалъ на собственномъ своемъ иждивеніи, при Кадетскомъ Корпусѣ, Смольномъ Институтѣ и при Академіи Художествъ, нѣсколько воспитанниковъ и воспитанницъ. Правительствующій Сенатъ, дабы сохранить въ памяти потомства великодушныя дѣянія И. И. Бецкаго, испросилъ у Государыни позволеніе выбить для этого золотую медаль, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

И. И. Бецкій и по смерти Императрицы Екатерины продолжалъ трудиться на пользу отечества, и Императоръ Павелъ Петровичъ также удостоивалъ его своего монаршаго благоволенія.

И. И. Бецкій скончался въ глубокой старости, въ 1795 г., на 91-мъ году отъ рожденія. Современники называли его: *«другомъ страждущихъ»*.

Чичаговъ *).— Василій Яковлевичъ Чичаговъ родился въ 1726 г. и получилъ образованіе въ Англіи. Поступивъ въ морскую службу, Чичаговъ въ 1763 году былъ уже капитаномъ 2-го ранга и на него обратила

*) См. стр. 89.

вниманіе Императрица Екатерина Великая и приблизивъ его къ себѣ, давала много различныхъ порученій, которыя онъ и исполнялъ съ успѣхомъ. Въ 1764 г. Чичаговъ былъ назначенъ комендантомъ Архангельскаго порта, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ для ученыхъ изслѣдованій къ Сѣверному полюсу. Возвратясь въ Петербургъ, Чичаговъ принялъ начальство надъ Петербургскою корабельною командою; затѣмъ въ 1768 году былъ назначенъ начальникомъ Архангельскаго порта, а черезъ два года, имѣя уже чинъ Контръ-Адмирала, назначенъ главнымъ командиромъ въ Ревель. Кромѣ того Чичаговъ былъ главнымъ начальникомъ въ Кронштадтѣ, получилъ много орденовъ за свою полезную службу и наконецъ въ 1782 г. проиведенъ въ чинъ Адмирала. Въ особенности прославился Чичаговъ, когда былъ назначенъ начальникомъ флота, дѣйствовавшаго противъ Шведовъ въ Балтійскомъ морѣ. Во время этой войны Чичаговъ участвовалъ въ многихъ сраженіяхъ и 2 мая 1790 г. въ Ревельскомъ рейдѣ разбилъ на голову многочисленный Шведскій флотъ, состоявшій изъ 26-ти кораблей и 7-ми судовъ, тогда какъ у Чичагова было только 10-ть линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ. 22-го іюня того же года Чичаговъ одержалъ новую блистательную побѣду надъ Шведами, которыхъ лично предводилъ самъ король Густавъ III-й. Сраженіе происходило въ мѣстностяхъ близъ пролива Березоваго и при киркѣ Березовой. Въ этотъ день, дѣйствія Чичагова были столь отличны, что непріятельскій флотъ совершенно былъ разстроенъ и разсѣянъ, при чемъ взято нѣсколько различныхъ судовъ и плѣнныхъ болѣе 5000 чел., въ томъ числѣ

одинъ Контръ-Адмиралъ и до 200 чел. штабъ и оберъ-офицеровъ.

Побѣды Чичагова были причиною, что Шведскій король Густавъ предложилъ миръ и подписалъ весьма выгодныя для Россіи условія. Императрица Екатерина, въ признательность за отличныя дѣйствія Чичагова, пожаловала ему военный Орденъ Георгія 1-го класса, 2417 душъ крестьянъ и много другихъ наградъ.

Послуживъ съ пользою отечеству на полѣ брани, Адмиралъ Чичаговъ скончался въ 1809 г. въ глубокой старости.

Покойный Адмиралъ Чичаговъ былъ весьма уважаемъ какъ Императрицею Екатериною, такъ и Наслѣдникомъ престола Императоромъ Павломъ I, а также и Императоромъ Александромъ I. Чичаговъ своими побѣдами много содѣйствовалъ славѣ и блеску царствованія Императрицы Екатерины и по всей справедливости считается однимъ изъ лучшихъ Адмираловъ тогдашняго времени.

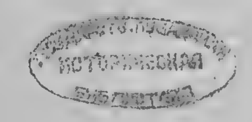
Орловъ-Чесменскій *).—Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ родился въ 1737 г. Получивъ въ домѣ отца надлежащее воспитаніе, Алексѣй Григорьевичъ въ молодыхъ лѣтахъ удивлялъ всѣхъ своею сообразительностью, необыкновенною тѣлесною силою и особенною твердостью на ногахъ, такъ что никто изъ сверсниковъ не могъ побороть его. Любя больше всего военную службу, Орловъ вступилъ въ Кавалергардскій полкъ

*) См. стр. 45, 47.

и отличался изъ всѣхъ своею красотою, статностію и мужествомъ. Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II, Алексѣй Григорьевичъ Орловъ быстро возвысился и произведенъ былъ въ генаралъ-маіоры: Императрица видѣла въ немъ полезнаго сотрудника. Въ 1769 г. Орловъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турками и плавалъ съ судами своими въ Архипелагѣ. Въ 1770 г. Орлову было ввѣрено главное начальство надъ всѣми Русскими судами, назначенными дѣйствовать противъ Турокъ и тутъ-то Алексѣй Григорьевичъ Орловъ увѣковѣчилъ свою память страшною морскою битвою и истребленіемъ всего Турецкаго флота при Чесмѣ. Алексѣй Григорьевичъ, имѣя намѣреніе истребить Турецкій флотъ, далъ битву 24 іюня (1770 г.) и, загнавъ весь флотъ въ Чесменскую гавань, совершенно заперъ его въ гавани. 26 іюня Русскія зажигательныя суда понеслись къ непріятельскому флоту; Турки, полагая, что Русскіе имѣютъ намѣреніе вести переговоры о сдачѣ, бездѣйствовали, надѣясь на свои многочисленныя силы. Между тѣмъ неустрашимые воины Русскіе быстро подойдя къ одному Турецкому кораблю, зажгли его и вслѣдъ за тѣмъ огонь распространился. Въ то же время эскадра Орлова быстро двинулась на враговъ и довершила смятеніе Турокъ. Пламя распространялось быстро и вскорѣ корабли одинъ за другимъ, взрываемые порохомъ, начали взлѣтать на воздухъ. Взрывы были столь сильны, что море и земля поколебались; потрясеніе распространилось даже до Смирны, отстоящей отъ Чесмы на 12 миль! Все погибло въ нѣсколько часовъ и только одинъ корабль достался Русскимъ. За славный подвигъ Алек-

сѣй Григорьевичъ Орловъ былъ пожалованъ Императрицею въ графское достоинство съ наименованіемъ *Чесменскаго*; для увѣковѣченія же памяти героя повелѣла воздвигнуть ему въ Царскомъ Селѣ памятникъ изъ мрамора.

Графъ Орловъ-Чесменскій скончался въ 1808 г. на 72 году отъ рожденія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Цѣна 45 коп. сер.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Редакціи народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ».

1873.

